

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английской филологии и методики преподавания английского
языка

**Концепты «радость» и «грусть» в англоязычной и русскоязычной
фразеологии**

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки
45.03.02 Лингвистика
профиль: Перевод и переводоведение

Исполнитель:
Арчая Инга Гигловна
студентка группы ЛПП-1501z

подпись

Научный руководитель:
Бабич Галина Николаевна
кандидат филологических наук,
профессор

подпись

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата

подпись

Екатеринбург 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ ЭМОЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА	7
1.1. Когнитивная лингвистика как направление в языкознании.....	7
1.2. Понятие концепта, его типология, понятие концептосферы.....	13
1.3. Фразеологическое значение.....	19
1.4. Общая характеристика эмоций и способы их вербализации.....	26
1.5. Эмоциональные концепты в языковом сознании человека.....	34
Выводы к первой главе.....	36
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «РАДОСТЬ» И «ГРУСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.....	38
2.1. Фразеологическая репрезентация концепта «грусть/ sadness».....	38
2.2. Фразеологическая репрезентация концепта «радость/ joy».....	44
2.3. Сопоставление результатов в английском и русском языках.....	51
Выводы ко второй главе.....	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	64

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена изучению средств фразеологической репрезентации эмотивных концептов в русском и английском языке на примере концептов «грусть/ sadness» и «радость»/«joy».

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что работа выполнена в рамках когнитивной фразеологии, современного направления языкознания, и направлена на исследование проблемы взаимосвязи языковых единиц и когнитивных структур представления знаний в аспекте фразеологической концептуализации выбранных эмоций. Фразеология языка является важной научной областью, так как в ней проявляется уникальность определённого языка и народа, отражается картина мира этого народа. В настоящее время всё больше отечественных и зарубежных лингвистов посвящают свои труды изучению человека. Группа фразеологических единиц (ФЕ), выражающих чувства и эмоции человека, выбрана не случайно. Во-первых, они характеризуют и отражают проявления внутренней эмоциональной жизни человека. Во-вторых, именно эта группа ФЕ фиксирует базовые эмоции, помогает понять как они проявляются и переживаются, какие функции выполняют в общении. Эмоции не доступны прямому наблюдению. Языковая фиксация является основой, на которой формируются представления о характеристиках той или иной эмоции.

Актуальность данного исследования мотивируется в отсутствии детального описания специфики ФЕ, выражающих чувства и эмоции человека в каждом из сопоставляемых языков, потребностью анализа различий и сходств внутренних форм и семантики ФЕ в английском и русском языках.

Антропоцентрический подход к изучению языковых феноменов является причиной к возросшему интересу ученых, в том числе, к вопросу о языковой объективации эмоций. Закономерно, что данная проблема оказывается в центре внимания таких направлений современного

языковедения, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Эмоции представляют собой внутренний мир человека, недоступный непосредственному наблюдению, тем не менее, при помощи языковых средств люди могут обмениваться своим эмоциональным опытом, осмыслять его и давать ему наименования. Отсюда можно сделать вывод, что исследование языковых данных помогает пониманию способов категоризации и концептуализации эмоций в виде эмоциональных концептов в картине мира социума.

В современной лингвистике эмотивность изучается как особая когнитивная категория, проявляющаяся на разных (например, лексическом, грамматическом, синтаксическом) уровнях языка и речи. Однако, как отмечают многие ученые (Н.А. Красавский, Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов и др.), именно фразеологический уровень языка, в первую очередь, характеризуется направленностью на выражение эмоций, чувств и психологических состояний: вследствие этого, исследования фразеологической вербализации концептов эмоций представляются достаточно продуктивными и перспективными.

Объектом данного исследования являются фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства человека в русском и английском языках. В данной работе мы придерживаемся широкого понимания фразеологии и поэтому в качестве её объекта рассматриваем все устойчивые словосочетания с осложнённым значением. Исследование языковой концептуализации явлений как внешнего, так и внутреннего мира индивидуума на данный момент является одним из самых перспективных направлений современной лингвистики.

Предметом исследования – являются семантические модели выражения эмоций радости и грусти посредством фразеологических единиц английского и русского языка.

Цель исследования заключалась в комплексном изучении национально-культурной специфики эмотивных фразеологических единиц в английском и

русском языке. Для решения указанной цели в работе решаются следующие задачи:

- 1) рассмотреть лексическое значение в рамках когнитивистики;
- 2) исследовать понятие концепта в рамках когнитивной семантики, понятие концептосферы;
- 3) рассмотреть фразеологизм как объект изучения фразеологии и когнитивистики;
- 4) выявить национально-культурный аспект фразеологии;
- 5) исследовать природу и характеристику эмоций, способы их вербализации;
- 6) изучить структуру и способы репрезентации эмотивных концептов «грусть/ sadness» и «радость»/«joy».

Теоретической базой данного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики (Ч.Филлмора, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Л. Талми, С.А. Аскольдов-Алексеев, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.В. Иванова, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, З.Д. Попова, И.А. Стернин), лингвокультурологии (В.И.Карасик, Н.А. Красавский, Л.В. Мальцева, В.Н. Телия), фразеологии (О.Д.Добровольский, Ю.В. Крылов, А.В. Кунин, В.Н. Телия).

Материалом для данной выпускной квалификационной работы послужили фразеологические единицы, полученные методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка, общим объемом 136 единиц, а именно – 70 русских и 66 английских фразеологических единиц.

Методы исследования:

- индуктивно-дедуктивный метод для понимания и систематизации теоретического материала;
- метод когнитивного анализа;

- метод концептуального анализа, который включает в себя схематизацию концепта и культурологическое описание его составляющих элементов.

- сопоставительный метод, который позволяет установить сходства и различия в языковой реализации концептов в английской и русской лингвокультурах.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит значительный вклад в освещение фразеологических и лингвокультурных вопросов. Данное исследование позволяет расширить представление о средствах выразительности и образности речи, а также о способах выражения эмоций посредством языка.

Практическая значимость заключается в том, что результаты работы могут быть применены в практике преподавания русского и английского языков в качестве иностранных, а также в лексикографической и фразеологической практике.

Научная новизна данной выпускной квалификационной работы заключается в том, что в ней предпринимается попытка исследовать содержание эмотивных концептов во фразеологической картине мира, которая представляет собой часть «наивной» языковой картины мира. При сопоставлении родственных концептов на фразеологическом уровне языковой репрезентации проводится анализ сходств, различий и взаимосвязей между ними с целью выявления специфики процессов фразеологической концептуализации, определения сущности универсального и национально-культурного компонента в содержании концептов как фрагментов картины мира лингвокультурного сообщества. Работа выполнена на парадигматическом уровне.

Структура работы. Данная выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, состоящего из 62 источников, изложенных на 68 страницах. Работа содержит 2 схемы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ ЭМОЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1. Когнитивная лингвистика как направление в языкознании

В настоящий момент когнитивные исследования являются значимой частью лингвистики. В каждой науке, которая переживает период рождения и быстрое развитие, наблюдается необходимость осмысления значимых вопросов и в то же время неопределенность в самом предмете изучаемого явления. Данная ситуация присутствовала и до сих пор присутствует [22, с.8].

В области лингвистического исследования когнитивистики проводятся научные конференции, симпозиумы с целью выявления позиций исследователей на предмет и объект; также рассматриваются способы, приемы и методы анализа.

Именно поэтому актуальным вопросом является конкретизация основных когнитивных понятий. Обратим внимание на имеющийся терминологический перечень определений когнитивной лингвистики.

Что же такое когнитивная лингвистика?

Когнитивизм является совокупностью наук, которая объединяет исследования принципов, где управляют мыслительные процессы. Таким образом, язык является средством доступа к мыслительным процессам. Именно в нём определяется опыт человечества, а язык является познавательным механизмом, где специфически преобразуется и кодируется информация. Объектом когнитивной лингвистики – язык как механизм познания [15, с.79].

Под распознаванием когнитивного материала понимается процесс оптимизации полученных знаний, то есть размещение новых знаний по

темам, которые существуют в сознании человека, и человек является его носителем [15, с.80].

Предмет когнитивной лингвистики – человеческая когниция – взаимодействие систем восприятия, представления и продуцирования информации в слове. Большое влияние на развитие когнитивной лингвистики оказывает семантика [18, с.16].

За всё время своего существования когнитивная наука прошла несколько этапов развития. На данный момент существует два направления когнитивизма “машинный” (компьютерный) и лингво-психологический.

Первое направление учитывает связь основных проблем и основных достижений с электронно-вычислительной техникой [22, с. 16].

«Когнитивная лингвистика – это масштабная философская и научная исследовательская программа, базирующаяся на допущении того, что человек-это машина и может быть описан как машина» [6, с.20]. Но не все процессы можно воспроизвести на компьютере, в этом и есть отличие человека от машины.

Второе направление – это лингво-психологическое, скорее, направление образного осмысления; в нём изучаются особенности картины мира и обыденного сознания. Также рассматриваются учеты экспериментальных данных, лингвистических с психологическими и т.д. Здесь рассматриваются данные о внимании и памяти, распознавания образов, мыслительной деятельности, сравнении, отождествлении, умозаклучениях, создании концептов. Основой лингво-психологических исследований Е. С.Кубрякова рассматривает во взаимосвязи между когнитивными и языковыми структурами.

Лингво-психологическое направление сейчас является перспективным, поскольку:

Даёт большую глубину понимания концептуального анализа, направленного для выявления концептов в качестве оперативных единиц в

сознания, и в качестве значений языковых знаков, концептов, «схваченных» языковыми знаками.

Это направление перспективное: в результате давних традиций в исследовании языка в связи с логикой и мышлением (дискуссии про соотношение понятия и слова, суждения и предложения, вопросы про соотношение мышления и языка, про вербальный и невербальный характер мышления и пр.) [22, с.17-18].

В когнитивной современной лингвистике и в грамматике как её части существует преимущество при рассмотрении корреляций среди языковых и мыслительных структур. По этому направлению вся деятельность людей изучалась, в качестве речемышлительной, поэтому исследования теории номинации и семантике смогли описать интересные данные про то, как формируются определённые языковые виды при объективизации точного содержания, а также свойственные этому процессу закономерности [22, с.19].

Внутри когнитивной лингвистики находим «ментальные» основы упрощения и понимания речи, участвующие в процессе переработки информации. Задача у когнитивной лингвистики заключена в определении, в «репрезентации» знаний, в процедуре их обработки. Все репрезентации подчинены различным принципам организации [6, с.20].

Конкретно когнитивная лингвистика от прочих дисциплин когнитивного цикла отличается следующим: тут рассматривают когнитивные структуры с процессами, свойственными человеку в качестве *homo loquens*. Когнитивная лингвистика даёт системное описание, объясняет механизмы усвоения языка человеком, принципы структурирования языковых познаний.

Задачами когнитивной лингвистики являются:

- 1) изучение ментальных механизмов при освоении языка, принципов структурирования, а также их репрезентация;
- 2) изучение когнитивного механизма продуцирования;
- 3) изучение когнитивного механизма восприятия.

Главной задачей когнитивной лингвистики является изучение когнитивной внутренней структуры, а также динамики говорящего и слушающего. Рассматривается в качестве системы переработки информации, состоящей из конечного количества самостоятельных компонентов (т.е. модулей), соотносящей на различных уровнях языковую информацию.

Целью когнитивной лингвистики является установление важнейших принципов и исследование системы. Для когнитивиста важно понять, какова «когнитивная деятельность» и как это знание перерабатывается.

По мнению В.В. Колесова, когнитивная лингвистика является новой ступенью для исследования взаимосвязи языка и мышления [18, с.18].

Первую ступень для изучения заложили нейрофизиологи, врачи, психологи (П. Брока, К. Вернике, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов и др.). На базе нейрофизиологии образовалась нейролингвистика (Л.С.Выготский, А.Р. Лурия), которая обнаружила, что разные типы языковой деятельности (слушание, говорение, освоение языка, письмо, чтение и т.д.), связаны с разными отделами головного мозга [22].

Психоллингвистика стала следующей фазой развития проблемы взаимосвязи языка и мышления, где рассматривались процессы создания и восприятия речи, язык как системы знаков, находящийся в разуме человека и его использование, функционирование.

Когнитивная лингвистика достаточно молодая наука, которая появилась позже по сравнению с другими направлениями.

Тем не менее, в данное время сделано не так мало, и в когнитивной лингвистике появляются диссертации, статьи, отражающие разные аспекты когнитивной лингвистики.

С давних пор ученые разных народов интересовались вопросом участия языка в познании мира, что нашло отражение в работах Л.Г.Зубковой и Н.А. Кобриной.

Формирование когнитивной современной лингвистики связывают с трудами ряда американских лингвистов, а конкретно: Джордж Лакофф,

Рональд Лангакер, Рэй Джакендофф и ряд других учёных. Обширные труды этих лингвистов по когнитивной лингвистике отражены в работах Е.С.Кубряковой, А. Ченки.

Собственные труды Кубряковой Е.С. стали фундаментальными, легли в основу российской когнитивной лингвистики.

Научный труд когнитивной лингвистики американского направления представлен «Кратким словарём когнитивных терминов», опубликованном рядом учёных. В России одновременно разрабатывалась теория значения слова, основанная на компонентном анализе. Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, А.К. Жолковский открыли ряд семантических параметров, позволивших начать составление специальных семантических словарей, поиск семантических первоэлементов. Такие первоэлементы, находясь внутри сферы человеческой когнитивной деятельности и содержат аналогичные категории, что и полученные в работах американских авторов. Поэтому следует упомянуть труды исследовательницы из Польши Анны Вежбицкой.

Оба указанных направления развивались друг от друга независимо и использовали различную терминологию, но открытые в результате исследований категории во многих точках пересекаются, что показывают работы Рахилиной Е.В. Она пыталась соотнести терминологию когнитивных американских лингвистов и семантической московской школы Ю.Д.Апресяна [43].

Среди важнейших исследований выделяют ряд следующих работ: работы Уоллеса Чейфа: «Рассказы о грушах. Когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования»; «Дискурс, сознание и время. Текущий и отстраненный сознательный опыт при речи и письме», а также работа А.Р. Томлина: «Фокусное внимание, залог и порядок слов: экспериментальное типологическое исследование». Ещё отметим Т. Гивона с работами «Непрерывность топики в дискурсе: квантитативное типологическое исследование»; «Грамматика референциальной связности:

когнитивная переинтерпретация». Вопросы функционирования концептов при дискурсе уделили внимание Л.В. Цурикова, О.Н. Чарыкова [48].

Теория когнитивной современной лингвистики состоит из ряда исследовательских индивидуальных программ, созданных семёркой учёных (всего существуют 14 программ). Однако они единой теории не образуют. В 90-е прошлого века внутри когнитивизма появились четвёрка направлений:

1. Описание, объяснение существующего ментального механизма, которое объясняет взаимодействие стимула с реакцией.

2. Главная роль при осуществлении мыслительной деятельности всегда принадлежит субъекту; именно субъект – источник, инициатор всех действий.

3. Исследования внутренней мыслительной деятельности человека.

4. Изучение ряда когнитивных процессов относительно аффективных единиц.

Существуют различные разделы в когнитивной лингвистике: когнитивная семантика, которая в первую очередь занимается лексической семантикой; далее когнитивная грамматика, которая занимается морфологией, синтаксисом, и прочими областями языкознания, связанными с грамматикой.

Аспекты когниции, интересующие когнитивную лингвистику, в себя включают:

1) грамматику конструктивную и когнитивную;

2) концептуальные смешивание и метафору.

В когнитивной лингвистике сделана попытка эти направления соединить в одно целое, но это нелегко сделать, поскольку терминология в когнитивной лингвистике ещё не окончательно устоялась, поскольку она является относительно новой областью исследований, а также по причине взаимосвязей с рядом других дисциплин.

Разработки, касающиеся когнитивной лингвистики – признанный способ анализа различных литературных текстов. В важную часть

современной стилистики превратилась когнитивная поэтика. Наилучшей литературой внутри этой дисциплины продолжает оставаться «Cognitive Poetics», написанная Питером Стокуэллом.

1.2. Понятие концепта, его типология, понятие концептосферы

Говоря о когнитивной лингвистике, мы не можем не изучить такое понятие как концепт. Одной из главных категорий когнитивной лингвистики является концепт.

С помощью концептов происходит связь языка с мышлением человека. Концепт является элементом языкового сознания личности, а сознание отражает культуру, в сознание личности поступает информация, перерабатывается, систематизируется и хранится. Сознание способствует выбору языковых средств человеком для передачи информации участникам коммуникации в конкретной ситуации общения. Связь между языком и культурой осуществляется концептосферой. Концепты образуются и используются при осмыслении поступающей к человеку информации, в процессе концептуализации – “одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека” [1, с.4].

В настоящий момент отсутствует точное определение термина "концепт". Образно говоря, концептом называют квант знания.

План содержания концепта – вся совокупность познаний про данное явление. План выражения – это вся совокупность имеющихся языковых средств, это содержание выражающих [3, с.14].

О концептах упоминают чаще всего, когда говорят про важное явление данной культуры, разнообразно представленное в языке.

Число концептов характерных в той или иной культуре, зависит от самого исследователя: Анна Вежбицкая выделяет в русской культуре 3 основных концепта: судьбу, тоску, волю; Степанов выделяет около 40-50 концептов, в которых числятся: любовь, вечность, закон, слово, беззаконие, счастье, вера [22, с.45].

В когнитивной современной лингвистике основным стало понятие «концепт», в качестве термина всё чаще используемое исследователями, которые интересуются проблемами языковых представлений когниций. В наиболее общем виде, по мнению Ю.С. Степанова, концепт можно рассмотреть, в качестве «сгустка культуры внутри сознания человека: в виде чего в ментальный мир людей входит культура. Но с другой точки зрения, концепт – то, посредством чего люди сами входят в культуру, в ряде случаев влияют на неё». Д.С. Лихачев утверждает: для каждого из отдельных концептов существует отдельное же словарное значение [25, с.280].

Итак, концептом правомерно назвать «единицу, призванную связать воедино набор научных изысканий в области сознания, культуры, языка, поскольку он принадлежит культуре, сознанию, и опредмечивается языком».

Поскольку концепты являются характерными для всех людей – носителей языка, то выделяют 3 подгруппы: групповые, общенациональные, индивидуальные концепты. Концепты неизбежно существуют в определённой человеческой идиосфере. Все носители языка создают в сознании некий концепт и вносят в объективное содержание определённый элемент субъективности. Все имеют культурный индивидуальный опыт. Поэтому данный опыт определяет бедность или богатство природы концептов у конкретного человека. Однако не все индивиды могут обогащать концептосферу в национальном языке [22].

Д.С. Лихачев высказывает такое мнение: «Концепт не возникает непосредственно из значения слов, он является результатом столкновений словарного значения слов с народным и личным опытом человека» [25, с. 280].

Методы по изучению концептов [31].

1. Метод определения внутренней формы или буквального смысла.

Данный метод заключён в следующем: по пережиткам, сохранившимся в жизни общества, выносятся мнения про то, чем были они, как действовали во времена, когда являлись полностью нужными.

2. Исторический метод

Исследуя концепты, нужно обращать взор к истории.

Второй метод следует изучать, основываясь на данных, ранее существовавших, передававшихся из одного поколения в другое. Здесь уместно привести мнение, высказанное одним из учёных: "Обращение в историческое прошлое слова может оказать помощь в уяснении смысла слова".

3. Социальный метод

Третий из методов применяют к третьему из слоёв концепта – слою активному. То есть, необходимо определить концепты, рассматривая их с социальной стороны. Суть определения концептов складывается из разных в историческом смысле слоёв, различных относительно времени образования, происхождения, семантике. Поэтому способ для суммирования их в определении, взятый по самому главному существу дела – генетический".

4. Экспериментальный метод

Такого рода методы – это есть методы для познания концептов, с помощью которых явление проводят в условиях существующей речевой практики. Другими словами, проведенное исследование направлена на частоту употребления концепта в речевой практике носителя языка.

Итак, при исследовании какого-то концепта следует обращать своё внимание к истории, ассоциациям, этимологии. Все такого рода данные можно отыскать в разных словарях, либо же выявить экспериментальным путём.

Концепты представляют мыслительные образы, которые стоят за языковыми знаками. За последние время концепты всё чаще начинают

привлекать внимание лингвистов. То понятие концепта, что появилось из когнитологии, оказывается значимым для процесса изучения языка, оно стало основой для когнитивной лингвистики. Любую познавательную деятельность у человека (когницию) возможно рассматривать, в качестве развивающего умения ориентироваться в окружающем мире, эта деятельность оказывается взаимосвязанной с необходимостью различать и идентифицировать объекты; концепты нужны для обеспечения деятельности этого рода. Чтобы выделить концепт, необходима перцептуальная выделяемость ряда признаков. Кроме того, нужно проводить предметные действия с установленными объектами и конечные их цели, оценивать такие действия и пр., но зная назначение всех перечисленных факторов, когнитологи оказываются не способными найти ответ на вопрос, как же возникают концепты, кроме процесса образования смыслов самого общего вида.

Язык является наилучшим средством для описания и определения природы концепта. Притом некоторые учёные считают, что простейшими концептами нужно считать те концепты, что представлены одним словом; более сложными считаем те концепты, что представлены предложениями и словосочетаниями. Другие учёные находили самые простейшие концепты внутри семантических признаков или маркеров, найденных по ходу компонентного анализа лексики с целью передачи информации для участников коммуникации в определённой ситуации общения. А третьи учёные полагали, что, анализируя лексические системы языков, можно обнаружить некоторое количество «примитивов» (типа нечто, некто, место, вещь и пр. применяемых А. Вежбицкой в её исследованиях), при помощи которых можно описывать всё богатство словарного состава языка.

Но имеются учёные, считающие, что часть получаемой концептуальной информации обладает языковой «привязкой», т.е. способами языкового их выражения, но некоторая часть такой информации в психике представляется принципиально иным методом: ментальными

репрезентациями иного типа - картинками, образами, схемами и пр. Мы, к примеру, знаем отличие понятий «ёлка» и «сосна» не по той причине, что можем их представить, как совокупности различных признаков или как различные концептуальные объединения, а скорее по той причине, что легко различаем их зрительно. К тому же концепты этих деревьев, прежде всего, даны, образно.

Самые важнейшие концепты кодируются как раз в языке. Также утверждается, что центральные в человеческой психике концепты отражаются в грамматике языка, что как раз грамматическая категоризация создаёт концептуальную сетку, некий каркас, нужный, чтобы распределить весь концептуальный материал, который лексически выражен. В грамматике отражение находят те концепты (т.е. значения), которые для данного языка наиболее существенны.

Чтобы сформировать концептуальную систему, необходимо предположить, что существуют первичные концепты, из которых потом развиваются остальные: концепты в качестве интерпретаторов смыслов все время модифицируются и уточняются. Концепты собой представляют неисследованные сущности лишь в начале собственного появления, а затем, оказываясь одной из частей системы, подпадают под влияние иных концептов и в результате сами видоизменяются. Концепт шире всего употребляется в процессе описания семантики языка, ведь значения отдельных языковых выражений приравнены к выражаемым в них концептуальным структурам или концептам: такой взгляд считается главной отличительной чертой в целом у когнитивного подхода.

Анализ результатов когнитивных лингвистических исследований показывает, до какой степени это направление разнообразно по области научных интересов. Попытаемся выделить наиболее сформировавшиеся направления и школы лингвистических когнитивных исследований.

1. Общеконцептуальный подход Московской школы.
Представители: Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.С. Степанов,

Ю.Н.Караулов, Д.С. Лихачев, Ю.А. Сорокин, Е.В. Рахилина, Р.М. Фрумкина, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский и др.

2. Психолингвистический подход: И.Н. Горелов, Н.И. Жинкин, А.А.Залевская и др.

3. Прототипический подход к изучению когнитивных аспектов языковых единиц Тамбовской школы. Представители: Н.Н. Болдырев, Т.А.Фесенко, Е.В. Милосердова, Е.М. Позднякова, А.Л. Шарандин, И.В.Миронова, С.В. Иволгина, Е.Л. Кочкина, С.Г. Виноградова и др.

4. Лексико-семантический подход в исследовании концептуального содержания единиц языка Воронежской школы. Представители: З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, В.Ю. Копров, Г.В. Быкова, Л.И. Гришаева, А.А. Кретов, В.М. Топорова, В.И. Убийко, В.Б. Гольдберг и др.

5. Дискурсивный анализ: А.А. Кибрик, Л.В. Цурикова, О.Н.Чарыкова, В.И. Карасик и др.

6. Культурологический подход к рассмотрению проблем представления знаний: Ю.С. Степанов и др.

7. Лингвокультурологический подход к исследованию репрезентации знаний Волгоградской школы. Представители: В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Н.А. Красавский, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, А.А.Худяков, Е.Н. Егина, М.В. Милованова и др.

8. Гендерный анализ представления концептуальных структур в сознании: А.В. Кирилина и др.

Важным понятием когнитивной лингвистики является понятие концептосферы - области знаний, состоящей из концептов – ее единиц.

Термин «концептосфера» в отечественной науке впервые ввел академик Д.С. Лихачев. Концептосфера, согласно определению академика Д.С. Лихачева, является совокупностью концептов нации, образованной всеми потенциями концептов носителей языка. Концептосфера народа значительно шире семантической сферы, предлагаемой значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука,

изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [25, с. 5].

Как сами концепты, так и концептосфера – сущности ментальные. Современное научное знание без сомнений подтверждает реальность существования концептосферы и концептов, то есть реальность мышления, которое не опирается слова.

Также стоит обратить внимание и на то, что концептосфера имеет свой упорядоченный характер. Концепты, которые образуют концептосферу, по своим отдельным признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. А.Н. Лук отмечал, что даже между такими понятиями как “небо” и “чай” существует смысловая связь, которая может быть установлена, к примеру, следующим образом: небо - земля, земля - вода, вода - пить, пить - чай [26, с. 15].

Подробный характер системных отношений концептов требует исследования, но общие принципы системности, распространяются на национальную концептосферу, без сомнений, так как само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация в свою очередь предполагает упорядочение ее объектов.

Отсюда следует, что концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления.

1.3. Фразеологическое значение

В лексическую систему языка наряду с отдельными словами входят и устойчивые сочетания, которые также несут в себе функцию выражения понятия. Такие устойчивые словосочетания называют фразеологическими единицами или фразеологизмами [14]. Хотя с определением этого понятия не все просто. Разные лингвисты по-разному трактуют его, что связано, прежде

всего, с тем, что в науке не выработаны общепризнанные критерии, особенности и классификация фразеологизмов.

Изучением устойчивых словосочетаний занимается наука фразеология. «Фразеология (фр. *phraséologie*, греч. *phrasis* - «выражение», *logos* - «учение») - 1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка, т.е. фразеологический состав» [43, с. 160].

Предметом изучения фразеологии является фразеологическая единица. В.В. Виноградов под фразеологическими единицами понимает «устойчивые словесные комплексы, противопоставленные свободным синтаксическим сочетаниям как готовые языковые образования, не создаваемые, а лишь воспроизводимые в речи» [8, с. 4].

Несмотря на то, что во фразеологии не выработана единая теория, можно выделить ряд особенностей свойственных фразеологизмам.

- раздельнооформленность – комплекс фразеологизма состоит из двух и более компонентов (*lady luck* – госпожа удача);

- сложность состава и образование путем соединения нескольких компонентов теряющих значение самостоятельных слов, но сохраняющих отдельное ударение (*Hold one's hand* – воздержаться от чего-либо);

- семантическая неделимость – нерасчленимое значение выражающееся, как правило, одним словом (*Lose one's heart* – влюбиться);

- постоянство слов – отсутствие возможности заменить компоненты фразеологизма синонимами (вместо *lady luck* – госпожа удача нельзя сказать *man luck*) [18];

- воспроизводимость и предсказуемость – фразеологизмы не строятся во время речи, а только воспроизводятся в речи в готовом виде, как их зафиксировала наша память (*a bosom friend* – сердечный друг) [18];

- отсутствие возможности добавлять компоненты в структуру фразеологизма, но допускается возможность добавление уточняющих

компонентов (hold horses – не нервничать, возможны добавления – hold her horses, hold your horses);

- грамматическая устойчивость компонентов фразеологизма, так как каждый элемент имеет определенную грамматическую форму, которую нельзя произвольно менять (to get into deep water – попасть в затруднительное положение);

- строго закрепленный порядок слов (a lay figure – манекен, а не figure lay);

- семантическая идиоматичность, вследствие которой буквальный перевод некоторых фразеологизмов невозможен (lares and penates – домашний очаг);

- целостность значения – единое значение фразеологизма, которое трудно или невозможно вывести из значения образующих его состав. Поэтому для понимания целостного значения компоненты фразеологизма подвергаются полному или частичному переосмыслению с последующим образованием совершенно нового значения [43, с.161];

- экспрессивность и метафоричность. Именно эта особенность некоторых фразеологизмов позволяет им выполнять изобразительно-выразительную функцию, благодаря семантическому значению, усиливающему красочность устойчивого словосочетания (as an angel – как ангел; drive a hard bargain – много запрашивать, усиленно торговаться).

Существует огромное количество типологий фразеологических единиц. Это связано с тем, что учёные до сих пор не пришли к единому принципу классификации. Одной из самых распространённых в русском языкознании является классификация В.В. Виноградова. Он разработал классификацию ФЕ по степени семантической слитности (неразложимости). Согласно этой классификации выделяются фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Каждый из указанных типов обладает своими характерными чертами и признаками.

Фразеологические сращения – это семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение не соотносится со значением составляющих эти обороты слов. Во фразеологических сращениях значение фразеологизма невозможно определить по составляющим его компонентам.

Фразеологические единства – это такие фразеологические обороты, значение которых мотивировано значением составляющих их слов. Значение фразеологического единства возникает из слияния значений его компонентов.

Фразеологические сочетания же – это устойчивые сочетания слов, в которых есть как слова со свободным значением, так и с фразеологически связанным [8, с. 143].

Другой российский лингвист Н.М. Шанский развил классификацию В.В. Виноградова и выделил также фразеологические выражения. Фразеологические выражения – устойчивые фразеологические обороты, состоящие из слов со свободным значением. Они воспроизводятся как готовые единицы с неизменным значением и составом [43, с. 84].

В данной работе мы рассматриваем фразеологическую единицу с точки зрения широкого подхода в ее понимании. Придерживаясь такого подхода, мы вслед за Н.М. Шанским, включаем в состав фразеологии как фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания, так и фразеологические выражения (пословицы и поговорки).

Пословицы не входят во фразеологический фонд, а составляют свой пословичный фонд, уверены такие лингвисты как Н.Н. Амосова, В.П. Жуков, А.И. Молотков. В противовес им стоит группа ученых, которые рассматривают пословицы в составе фразеологии – В.В. Виноградов, А.В.Кунин, С.Г. Гаврин, Т.З. Черданцева. В данном случае в пользу пословиц играют такие особенности, как воспроизводимость, постоянный и строго закрепленный порядок слов, образность, значение ситуации. Такой подход к

фразеологии называется широким и на данный момент является преобладающей.

Помимо пословиц и поговорок на периферию фразеологического фонда английского языка были отправлены фразовые глаголы (составные глаголы). Фразовый глагол - это идиоматичная глагольная конструкция, чаще всего сочетающая глагол и наречие или глагол и предлог (to pay back – возвращать деньги). Такие идиоматические конструкции имеют отличительные особенности от фразеологизмов: фразовые глаголы имеют прямое и переносное значение; один компонент глагола будет служебным (морфологизированным); в состав могут включаться другие слова. Несмотря на наличие отличительных особенностей, фразовые глаголы могут рассматриваться в составе фразеологизмов, так как рамки классификации строго не определены [43, с.170].

«Фразеологический корпус любого национального языка является своеобразным источником знаний о культуре народа. В глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о мире конкретной страны: о ее географии, климате, о душевном складе народа, об образе жизни в разные времена и др. Элементы культуры черпаются из денотации, лежащей в образной основе фразеологической единицы (ФЕ), а для ее описания «надо в основном расшифровать метафоры, обнаруживать образы, соотносить слова и словосочетания с категориями культуры, все осмысливать на языке культуры и, конечно, описывать культурный дискурс» [9, с. 31], который может быть обращен к науке, религии, философии, социальной сфере и т.д. Анализ образной основы (внутренней формы) фразеологической единицы в системе фразеосемантических полей является важнейшим звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности» [12, с. 108].

Фразеологические обороты являются уникальной частью выразительных средств языка. Во фразеологизмах выражены характерные признаки культуры народа, его истории, представления человека о

различных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы воззрения окружающего мира.

Во фразеологии английского языка не поднимается вопрос о фразеологии как о лингвистической дисциплине. В лингвистике английского языка имеется малое количество работ, которые посвящены теории фразеологии. В имеющихся же работах не ставятся такие вопросы, как критерии выделения фразеологизмов, соотношение фразеологических единиц и слов и т.п. Этим объясняется тот факт, что в английском языке (АЯ) отсутствует общепринятый термин для этой дисциплины [32, с. 28].

Несмотря на малое количество работ по фразеологии в английском языке, объём её корпуса велик и многообразен. Английский язык обладает тысячелетней историей. За это время в английском языке накопилось большое количество выражений, считавшихся людьми наиболее красивыми и меткими.

Фразеологизмы в английском языке имеют связь с различными явлениями и предметами. Например, многие ФЕ в английском языке связаны с погодой, морем, солнцем, ветром, едой, домашним очагом. Некоторые фразеологизмы связаны с животным миром. Чаще всего в английских идиомах упоминаются собаки, кошки и свиньи. Многие ФЕ обладают метафоричным смыслом (напр., *to be all at sea* – недоумевать, растеряться, букв. быть в море).

Л.П. Смит писал, что в английских фразеологизмах очень много юмора, но мало красоты и романтики [26, с. 24].

А.В. Кунин разделяет ФЕ английского языка на исконно английские фразеологические единицы (*Fleet Street* – улица Лондона, где ранее находились редакции самых популярных газет) и заимствования (*Tête-à-tête* – с фр. с глазу на глаз). Исконно английские ФЕ закрепились в разговорной речи. Они отражают особенности английской культуры, традиции, обычаи, историю и поверья английского народа (*bite off more than one can chew* –

«взять в рот больше, чем можешь проглотить», то есть взяться за непосильное дело, не рассчитывать своих сил) [32, с. 57].

В английском языке существует большое количество типологий фразеологизмов: типология, основанная на грамматическом сходстве компонентного состава фразеологизмов; типология, основанная на соответствии синтаксических функций фразеологизмов и частей речи, которыми они могут быть замещены; типология, построенная на звуковой организации фразеологизмов; классификация фразеологизмов по их происхождению; библеизмы, шекспиризмы, высказывания писателей и т.д.

И.В. Арнольд разделяет английские фразеологизмы на *set expressions*, *semi-fixed combinations* и *free phrases*. В целом эта характеристика соответствует классификации В.В. Виноградова. Таким образом, выделяются фразеологические сращения, которые представляют собой семантически неделимые сочетания слов (*be all thumbs* – быть неуклюжим, *to be neck and neck* – тесно соперничать, *on Shank's mare* – пешком, *at sixes and sevens* – в беспорядке); фразеологические единства, в которых значение целого складывается из значений компонентов (*get the upper hand* – взять верх; *to burn bridges* – сжигать мосты, *to be caught napping* – быть застигнутым врасплох) и фразеологические сочетания, один из компонентов которых употребляется в прямом значении, а второй – в переносном (*a pitched battle* – ожесточенная схватка, *to meet a requirement* – удовлетворить потребность, *to break a rule* – нарушить правило).

Самой распространённой является группа фразеологических единств [26, с. 54].

Н.Н. Амосова классифицирует фразеологические единицы английского языка на фраземы – конкретные языковые единицы постоянного контекста (*white day* – счастливый день); идиомы – обороты речи, значение которых не определяется значением входящих в них слов (*blue law* – сухой закон) и устойчивые сочетания – фразовые штампы (*if I were you* – будь я на вашем месте) [26, с. 65].

Под пословицами же в английском языке лингвисты понимают краткие изречения, вошедшие в оборот разговорной речи. В контексте они выступают в качестве самостоятельных предложений или части сложных предложений. В английской и американской лингвистической литературе не проводится четкого разграничения между пословицей и поговоркой. А.В. Кунин относит к поговоркам устойчивые образования, которые относят к поговоркам еще со времен В.И. Даля, т. е. в течение свыше ста лет. Поговоркой считается устойчивое предложение такой же структуры, как и пословица, но лишенное поучительного содержания [32, с. 148].

Таким образом, можно сделать вывод, что во фразеологической картине мира каждого языка будут выявлены общие универсальные свойства и национальные особенности, проявляющиеся как в части выражения, так и в части содержания. Фразеологизмы напрямую (в денотате) или опосредованно (через сопоставимость ассоциативно-образного основания с идеалами, символами, стереотипами национальной культуры) включают в себя культурную информацию об окружающем мире и социуме. Поэтому фразеологическая единица есть «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет от поколения к поколению.

1.4. Общая характеристика эмоций и способы их вербализации

Лингвистика эмоций как наука сформировалась в XX в. на основе психологии и традиционного языкознания, однако эмоции выступают объектом исследований многих наук, а именно: физиологии, нейробиологии, философии, лингвистики, культурологии, психиатрии, антропологии. В результате объединения этих наук возникли такие междисциплинарные сферы, как антропологическая лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвистика эмоций (емоциология) и сопоставима лингвистика, которые

позволяют рассматривать проблему эмоций с разных сторон и под новым углом с помощью комплексного применения «смешанных» методов.

В психологии термин «эмоции» означает переживание человеком его отношения к окружающему миру и самому себе, то есть эмоции – особая форма отражения действительности [20, с. 67]. Американский психолог К.Э.Изард предлагает следующее определение понятия «эмоция»: это что-то, что ощущается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действия [32, с. 29]. Итак, в основе эмоции лежат оценки, обусловленные соответствием или несоответствием событий или фактов потребностям, ожиданиям или ожиданиям человека.

По Е.Ю. Мягковой, вербализация эмоций – процесс словесного описания человеком своих эмоциональных переживаний и состояний [30, с. 33]. Психологи выделяют четыре уровня вербализации, основанные на том, насколько глубоко человек понимает свое состояние и переживания и, как следствие, отражает их в речи. Это следующие уровни: «нулевой» уровень, то есть отсутствие вербализации; первый уровень – обобщенное обозначение эмоций (I'm fine (англ.), мне плохо / хорошо), до этого уровня относится использование сленговых и жаргонных выражений с очень обобщенной семантикой (wicked (англ.), круто); второй уровень – человек осознает и контролирует свое эмоциональное состояние в той или иной модальности, используя эмотивную лексику, то есть «названия чувств» (I'm ashamed (англ.), мне стыдно); третий уровень – репрезентация сложных индивидуальных состояний, когда создаются причинно-следственные связи [44, с. 85]. Следовательно, можно утверждать, что вербализация эмоций зависит от того, насколько подробно человек осознает свои переживания («эмоциональный интеллект») и свой уровень владения языком («языковая компетенция»), чтобы воспроизвести эти переживания словами.

Необходимо также упомянуть довольно спорный вопрос влияния культуры на проявление и, как следствие, вербализацию эмоций. На современном этапе есть два подхода: 1) культурно-релятивистский, по

которому эмоции этноспецифические и способность их переживать зависит от типа культуры, лингвоэтнической принадлежности человека; 2) универсальный, по которому эмоции универсальны и любая эмоция открыта для переживания человеком независимо от его национальности и культурных факторов, а национально-специфическим может быть только отношение к эмоциям [6, с. 138]. Стоит отметить, что вышеприведенные подходы не исключают влияния культуры и этноспецифических факторов именно на вербализацию эмоций, однако некоторые эмоции зависят от культурного контекста больше других.

Контрастивные исследования эмоций доказали, что различные культуры по-разному относятся к эмоциям, наделяя проявления отдельных эмоций социальной коннотацией, что влияет на воспитание и социализацию и, как следствие, на представление о мире, социальную организацию и воплощение тех или иных элементов в структуре значения эмоциональной лексики. Невербальное выражение эмоций в мимике, жестах, поведении не имеет универсального характера, а зависит от социального воспитания, выступает культурной нормой, диктует приемлемый сценарий. Итак, культура устанавливает систему правил, по которым человек демонстрирует приемлемые эмоции в определенном контексте и скрывает такие эмоции, которые считаются нежелательными. Примером этого служит общеизвестная разница между правилами выражения негативных эмоций в американской и японской культуре: хотя мимика совпадает, но степень ее использования различается.

Поэтому необходимо признать влияние культуры на репрезентацию определенных эмоций, воплощается в третьем, срединном подходе, который сформировал Н.А. Красавский: «Эмоции – это генетический врожденный феномен, но только благодаря опыту люди учатся культурно-специфическим правилам их выражения [20, с. 168]. Именно этим подходом мы руководствуемся в процессе нашего исследования. Известный лингвист В.Г.Гак также попытался объединить упомянутые два подхода. Он

рассматривает эмоции как часть естественного развития человеческой расы и считает, что именно поэтому они универсальны во всех культурах [10, с.645]. В рамках универсального подхода выделяют базовые (фундаментальные, основные эмоции), но такие эмоции не совпадают ни по количеству, ни по составу. По определению К. Отли: «Основные эмоции – это такие, которые явно выражены физиологически и мимически и имеют биологическую основу. Ученый выделяет пять основных эмоций, а именно: anger (гнев), disgust (отвращение), anxiety (возбуждение), happiness (счастье), sadness (грусть) [14, с. 55] К.Э. Изгард причисляет к фундаментальным десять эмоций: anger (гнев), contempt (презрение), disgust (отвращение), distress (страдание), fear (страх), guilt (вина), interest (интерес), joy (удовольствие), shame (стыд), surprise (удивление) и разделяет их на положительные (interest, happiness, surprise) и отрицательные (anger, sadness, disgust, fear, shame, guilt). Все остальные эмоциональные процессы ученый рассматривает как комбинации и модификации вышеупомянутых базовых эмоций [13, с. 63]. По мнению Е.С. Яковлевой, есть восемь основных эмоций: acceptance (одобрение), anger (гнев), anticipation (ожидания), disgust (отвращение), joy (удовольствие), fear (страх), sadness (сумм), surprise (удивление) [46, с. 256]. Американский психолог Пол Экман выделяет шесть базовых эмоций, к которым причисляет anger (гнев), disgust (отвращение), fear (страх), joy (удовольствие), sadness (сумм), surprise (удивление). А. Вежбицкая предлагает все многообразие эмоций свести к небольшому количеству универсальных и врожденных эмоций, присущих практически всем людям, руководствуясь следующим основаниям: 1) некоторые эмоции есть во всех культурах (радость, печаль); 2) для некоторых эмоций характерно определенное выражение лица (отвращение, удивление); 3) некоторые эмоции увеличивают шансы на выживание (страх, боль) [7].

Один из разработчиков теории эмоций В.И. Шаховской замечает, что человек не только homo sapiens, но и homo sentiens, поскольку многими ее действиями руководят эмоции [44, с. 5]. Они рассматриваются в тесной связи

с когнитивными процессами, а их связь обосновывается так: Когниция вызывает эмоции, поскольку она эмоциогенна, а эмоции влияют на Когницию, вмешиваясь во все когнитивные процессы. Отсюда следует суть лингвистической концепции эмоций, которая заключается в том, что человек отражает окружающий мир избирательно, выделяя в нем лишь необходимо или ценное для него в определенный момент существования [8, с. 8-9]. Поэтому, по В.И. Шаховскому, эмоция - одна из форм отражения мира, обозначает душевные переживания, волнения, чувства [44, с. 5], то есть в лингвистике термин «эмоция» часто используется как собирательное понятие. Несмотря на это, в языке все эмоциональное, все высказывания эмоциональные, вся лексика эмоциональная, нет речи без эмотивности [11, с. 10].

Следует разграничивать два различных понятия - «лексика эмоций» и «эмоциональная лексика». Лексика эмоций служит для объективации эмоций в языке, их инвентаризации, а эмоциональная лексика выражает эмоции говорящего и оценку объекта речи. Под эмоциональной лексикой также понимается лексика, имеющая соответствующие коннотации. В.И.Шаховский предлагает объединить эти понятия в одно - эмотивная лексика, или эмотивы (экспрессивная лексика, выражает эмоции) на основании того, что оба служат для отображения эмоций человека [44, с. 10]. Из этого следует необходимость в установленные различия между понятиями «эмоциональность» и «эмотивность». Эмоциональность – инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, что выступает психофизиологической потребностью человека. Эмотивность – сознательная, запланирована демонстрация эмоций, имеет определенную коммуникативную установку [21, с. 147]. Следовательно, они имеют разную направленность: первое фокусируется на субъекте, а второе направлено на объект. Некоторые ученые не относят единицы, называют эмоциональные состояния, в эмотивной лексике, поскольку в семантике такой лексике не выражается эмоциональное отношение. Учитывая это А.Д. Шмелев выделяет

два класса эмотивной лексики: 1) слова, что называют эмоциональные состояния; 2) слова, семантика которых характеризуется наличием обязательного эмотивного компонента, входящего в основной предметно-логического содержания значение [45, с. 100]. То есть слова, называющие эмоции, к эмоциональной лексики не входят.

Общепринятой является классификация, согласно которой эмоции делят на положительные, отрицательные и амбивалентные. Положительные эмоции возникают, когда планы согласованы между собой и непредвиденные обстоятельства устранены. В противоположность им возникают отрицательные эмоции, когда планы не согласованы, не удается воплотить план или когда возникает проблема, для решения которой недостаточно ресурсов, или когда цель, лежащая в основе эмоции, невыполнима. Амбивалентные эмоции выражают двойственное переживание, когда объект вызывает у человека два противоположных чувства одновременно [14, с. 44]. Однако, по мнению Е.П. Ильина, положительными или отрицательными бывают не эмоции, а их влияние на поведение и деятельность человека, а также впечатление, которое они производят [46, с. 258]. То есть причиной эмоции выступает оценка каузатор, событий или ситуации как желаемых или нежелательных, что, в свою очередь, провоцирует положительные и отрицательные эмоции соответственно. Многие ученые-представители различных дисциплин пытались создать универсальную классификацию эмоций, выдвигая собственную основание для этого. Например, Т. Браун в основу классификации положил признак времени, разделив эмоции на непосредственные, такие, что проявляются «здесь и сейчас», ретроспективные и проспективные. Классификация Д. Стюарта строится на основании отношения к источнику действия, в ее пределах выделяют инстинктивные и рациональные эмоции. Философ И. Кант сводил все эмоции к двум группам, в основе которых лежала причина возникновения эмоций: сенсуальные и интеллектуальные эмоции. Классификация Г. Спенсера предлагает разделять эмоции по признаку их возникновения и

воспроизведения на четыре класса. К первому классу относятся презентативные чувства, возникающие непосредственно во время действия внешних раздражителей. Ко второму классу относятся простые эмоции. К третьему классу относятся репрезентативные эмоции, которые не имеют конкретного предметного воплощения. К четвертому классу относятся абстрактные эмоции, которые образуются без помощи какого-либо внешнего раздражителя [13, с. 131].

Интересную и несколько противоречивую классификацию предлагает Б.И. Додонов. Он выделяет такие группы эмоций: альтруистические эмоции (возникают на основе потребности в помощи, поддержке других людей), коммуникативные эмоции (возникают на основе потребности в общении), глоричные эмоции (возникают на основе потребности в самоуважении и славе), праксичные эмоции (вызванные деятельностью, изменениями в ходе работы), пугничные эмоции (возникают на основе потребности в преодолении опасности), романтические эмоции (стремление ко всему необычному, ожидание чего-то светлого, доброго), гностические эмоции (возникают на основе потребности в познании), эстетические эмоции (связанные с лирическими переживаниями), гедонистические эмоции (возникают на основе удовлетворения потребностей в телесном и душевном комфорте), акизитивные эмоции (возникают на основе стремления к накоплению, владению) [12, с. 23]. Эту классификацию критикуют сторонники фундаментальных эмоций, так как считают, что в ней названы производные эмоции, образованные сочетанием и модификацией базовых.

Все рассмотренные классификации являются подходящими, и их применение может оказаться плодотворным при исследовании определенного комплекса вопросов, касающихся эмоциональной сферы человека. В работе мы основываемся на классификации эмоций А. Вежбицкой: 1) эмоции, связанные с «плохими вещами» [7, с. 348]; 2) эмоции, связанные с «хорошими вещами» [7, с. 356]; 3) эмоции, связанные с людьми, которые совершают плохие поступки, и вызывают негативную реакцию [7, с.

360]; 4) эмоции, связанные с размышлениями о себе, самооценкой [7, с. 364]; 5) эмоции, связанные с отношением к другим людям [7, с. 397]. Мы считаем эту классификацию оптимальной, ведь она удачно объединяет как базовые (фундаментальные), так и производные от них, модифицированные, эмоции.

Как замечает А. Хеллер, эмоции всегда когнитивные и ситуативные, поэтому выбор языковых средств для их вербализации также ситуативный [42, с. 182]. Согласно позиции российского лингвиста В.И. Шаховского, есть как минимум две семиотические системы эмоций - «язык тела» (мимика, жесты, поведенческие реакции, внешние физиологические изменения) и «языковое выражение» (особые лексические и фразеологические единицы, междометные единицы, специфическая интонация и порядок слов в предложении), находящихся во взаимодействии, но первичная семиотическая система (невербальная) превосходит вторичную (вербальную) по качеству выражения эмоций, а также за правильностью восприятия их адресатом [44, с. 15].

В процессе коммуникации можно выделить различные способы вербализации эмоций, предусматривающие следующее: непосредственную вербализацию собственных эмоциональных состояний говорящего, опосредованную вербализацию эмоций и метафорическую вербализацию эмоциональных состояний говорящего. Вербальные способы передачи эмоций, в свою очередь, подразделяются на лексические (словообразования с использованием аффиксальных морфем) и синтаксические (эллиптические конструкции, изменение порядка слов). По мнению В.И. Шаховского, вербализация эмоций осуществляется с помощью таких лингвистических средств, как: 1) номинация эмоций (лексические единицы, содержащие только понятие об определенных эмоциях) 2) дескрипция (описание внешней экспрессии: мимики лица, глаз, губ, пантомимики, тембра голоса, интонации) 3) экспликация (непосредственное выражение эмоций через аффективы, конотативы и потенциативы) [44, с. 6]. Языковые средства выражения эмоций В.Ю. Апресян делит на четыре подтипа: 1) клишированные,

закрепленные за конкретным кустом эмоций способы выражения – эмоциональные возгласы (ouch !, wow! Oh boy! Woop! (Англ.) тише !, эва !, только !, вон!), сохраняющие связь с вокализмом эмоции и ассоциируются с определенным выражением лица; 2) свободные, контекстуально мотивированы способы выражения - например прямая речь, вводимая глаголом со значением эмоции («Уходи отсюда!», - разозлился он); 3) специальные слова, закрепленные за тем или иным кустом эмоций, некоторые из них приближаются к возгласам (poor lamb, fabulously, amazing (англ.) Бедный, удивительно, ужасно); 4) устойчивые конструкции, в которых эмоции называются прямо и используются различные эмоциональные слова (I feel sad, I'm grateful, I'm excited (англ.), мне грустно, я благодарен) [6, с. 27]. Следует заметить, что первые три подтипа идентифицируют только куст эмоций и не различают оттенки значений, интенсивность и продолжительность эмоции в его пределах.

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторые классификации эмоций и эмотивной лексики, но, опираясь на них, можем сделать вывод о том, что таксонимизация в этой сфере объективно имеет неоднородный характер, что приводит к множественности, а иногда и противоречивости подходов к анализу вербализации и языковой репрезентации эмоций, которые требуют комплексного рассмотрения.

1.5. Эмоциональные концепты в языковом сознании человека

В концепте, являющимся многомерным ментальным образованием, сосредоточены результаты освоения человеком мира. Концептуализация действительности, базирующаяся на восприятии, ведет к возникновению понятий, зарождающихся посредством представлений. Аккумулируя признаки, свойственные различным объектам, понятия оцениваются, что в конкретном культурном пространстве влечет за собой превращение понятий

концепты. «Концепт, таким образом, есть понятие, погруженное в конкретный лингвокультурный контекст...» [21, с.12].

В отношении к эмоциональным концептам, с первого взгляда может показаться логичным причислить их к разряду универсальных, так как собственно эмоции и являются «центральной частью, которая делает представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга».

Также установлено, что эмоциональным концептам свойственна этноспецифичность, объяснимая «индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры», которые, в свою очередь предопределяются варьирующимся характером манифестации «многоплановости взаимодействий» культуры, языка и эмоций [30, с.13].

Фактически каждым языком накладывается собственная классификация на эмоциональный опыт человека, именно это и дает возможность называть эмоции «таксоном культуры»: их концепты, имея «материальные экспоненты в языке», демонстрируют при этом национально-культурную специфику.

Полагаясь на все указанные факторы, Н.А. Красавский определяет эмоциональный концепт как «этнически» культурно обусловленное, структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, основывающееся на понятийной основе, включающее в себя помимо самого понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [20, с. 13].

Исходя из вышеизложенных взглядов лингвокультурологов на концепт и эмоциональный концепт, последний будет пониматься в данной работе как ментальная единица высокой степени абстракции, которая выполняет функцию метапсихической регуляции и отображающая в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурноспецифических представлений об эмоциональных переживаниях.

Такое толкование сущности эмоционального концепта, как культурно отмеченного вербализованного смысла, которым наделяет носитель языка свои эмоции, дает возможность выделять в нем понятийный, образный и ценностный аспекты, экспликация которых предполагает использование различных методов лингвокультурологического анализа.

Выводы к первой главе

1. Лексическое значение в когнитивистике соотносится с концептом как с результатом знаний и рассматривается как вид информации, который хранится в человеческой памяти. Когнитивный подход направлен на выявление всех типов знаний, находящих отражение в сложной структуре концептов, и соответственно, лексических значений. Вследствие этого когнитивная интерпретация слов дает нам возможность выделить в лексическом значении качественно новые компоненты.

2. Когнитивная лингвистика утверждает, что концепт не привязан к одному языковому знаку: он обозначается многими знаками - как языковыми, так и неязыковыми - и никогда полностью не выражается. Любой концепт располагается в мозгу разных людей, входящих в то или иное общество; имея общую часть для всех, он включает в себя и множество варьируемых признаков – социальных, групповых, индивидуальных. Концепты, а с ними и концептосфера, находятся в постоянном развитии, некоторые признаки они теряют, некоторые приобретают, некоторые видоизменяют. Поэтому, чтобы получить через анализ языка наиболее полное представление о признаках концепта, входящего в концептосферу конкретного народа, нужно включить в исследование не только лексикографическое, но и психологически реальное его наполнение.

3. Фразеологизм употребляется как единое целое, не подлежащее дальнейшему дроблению и обычно не допускающее перестановки

составляющих внутри себя. Процесс фразеологизации является абстрагированием от конкретного образа или действительной ситуации путем метафоризации и перегруппировки сем. Фразеологизм – средство репрезентации фразеологического концепта.

4. Эмоции служат для того, чтобы характеризовать потребности человека и предметы, на которые они нацелены, это один из главных механизмов регуляции функционального состояния организма и деятельности человека. Тема эмоций всегда была интересна для ученых абсолютно разных научных дисциплин: филологов, педагогов, лингвистов, философов, психологов. Эмоции – это неотъемлемая составляющая эмоциональной картины мира, которую предназначают как мировидение, спроецированное эмоциональной сферой сознания и отражающее ценностные приоритеты в национальной картине мира

5. Фактически каждый язык накладывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека, именно это и дает возможность называть эмоции «таксоном культуры»: их концепты, имея «материальные экспоненты в языке», демонстрируют при этом национально-культурную специфику. Эмоциональный концепт понимается как ментальная единица высокой степени абстракции, которая выполняет функцию метапсихической регуляции и отображающая в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурноспецифических представлений об эмоциональных переживаниях.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ «РАДОСТЬ» И «ГРУСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

2.1. Фразеологическая репрезентация концепта «грусть/ sadness»

Эмоции являются важным фрагментом как научной, так и языковой картин мира. Представляя собой одну из фундаментальных человеческих эмоций, грусть является неотъемлемым компонентом духовной культуры. Эмоция печали, при всей своей универсальности, проявляет в разных языках определённую специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики. Существует стереотип, согласно которому отличительными чертами русского народа считается его «природная склонность к пассивности, фатализму, пессимизму, глубокому унынию, беспричинной тоске и грусти, повышенной эмоциональности» [7, с. 33]. Англичане также склонны к ипохондрии, тоскливому настроению, происходящими большей частью от пресыщения жизнью.

Печаль – «состояние душевной горечи». Печаль вызывается разлукой, чувством одиночества, неудачей в достижении цели, разочарованием, т.е. несбывшейся мечтой. По С.И. Ожегову, безнадежная печаль – это уныние, а лёгкая печаль – грусть [39, с. 26].

Тоска определяется как душевная тревога, соединённая с грустью. Она сопровождается ожиданием последствий, горьким сожалением о произошедшем, безвыходностью, неясностью. Таким образом, тоска может быть охарактеризована как отрицательная эмоция, так как вызывает негативные ощущения и влечёт неблагоприятные последствия. Человек грустит, печалится, тоскует, не имея возможности прогнозировать ситуацию. Осознание бессилия и вызывает тоску [25, с. 303].

Уныние – это такое состояние, которое затмевает надежду, погружает в душевную апатию. Оно связано с неблагоприятным прогнозом на исход ещё незакончившегося процесса, когда ещё остаются шансы на успех. Когда же человеком завладевает ощущение безнадежности или итог становится ясным, возникают другие эмоции – разочарование, отчаяние, печаль, горе.

Для выявления особенностей концептуализации грусти в английском языке рассмотрим понятие "sadness".

Словарь Merriam-Webster дает следующее определение этой лексемы:

a: affected with or expressive of grief or unhappiness: downcast;

b (1): causing or associated with grief or unhappiness: depressing sad news
(2): regrettable, deplorable;

a sad relaxation of morals – C. W. Cunningham c: of little worth

b: of a dull somber color

Определил синонимы и антонимы данной лексемы:

Synonyms: blue devils, blues, dejection, depression, desolation, despond, despondence, despondency, disconsolateness, dispiritedness, doldrums, dolefulness, downheartedness, dreariness, dumps, forlornness, gloom, gloominess, glumness, heartsickness, joylessness, melancholy, miserableness, mopes, mournfulness, oppression, sorrowfulness, unhappiness.

Antonyms: bliss, blissfulness, ecstasy, elatedness, elation, euphoria, exhilaration, exuberance, exultation, felicity, gladness, gladsomeness, happiness, heaven, intoxication, joy, joyfulness, joyousness, jubilation, rapture, rapturousness.

Схематически полевою организацию концепта sadness можно представить на рисунке 1.

Рисунок 1. Схематическое изображение полевой структуры концепта грусть (sadness)

Радость и грусть являются противоположными по значению лексемами - антонимами, поэтому синонимы слова joy являются антонимами к слову sadness, а антонимы к слову joy являются синонимами слова sadness. Данное положение говорит о полярности эмоциональных состояний радости и грусти.

Подгруппа грусти в РЯ представлена 30 ФЕ, в АЯ – 23 ФЕ.

Перейдём к рассмотрению внутренней формы ФЕ данной подгруппы, её образов. При сильной печали у человека появляются болезненные ощущения в груди: душа тает – очень сильно расстраиваться; сердце изнывает – испытывать биения сердца; сердце опухло – приходить в уныние; сердечная боль – глубокая печаль в РЯ и feel strongly about smth. – сильно переживать, принимать близко к сердцу; one’s heart aches (bleeds) for smb. – чувствовать тревогу, беспокойство (букв. сердце болит); one’s heart is breaking – испытывать глубокую печаль, сердце разрывается в АЯ. В РЯ данная семантическая модель представляет подавляющее большинство ФЕ,

что говорит о колорите русского народа и отведении душе и сердцу важной роли в мире эмоций и чувств [12, с. 10].

Внешний вид выдаёт печального человека. Его движения медленные, голос слабый, речь замедленная, глаза слегка сужены, уголки рта опущены. ФЕ передают унылое выражение лица, когда голова, нос, шея человека опущены, черты лица лишены живости, взгляд погашен: свесившееся лицо – мрачный, угрюмый; со согнутой шеей; с кислой рожей, опущен нос – в наихудшем настроении; морщиться, строить кислую мину в РЯ и *hang one's head* – вешать голову, приходить в уныние; *(be) down in the mouth* – быть в подавленном состоянии (букв. свесить рот вниз); *a face as long as a fiddle* – мрачное лицо (букв. лицо длинное как скрипка); *make (or pull) a sad (wry) face (mouth)* – иметь печальный (кислый, недовольный) вид в АЯ. Данная семантическая модель шире представлена в РЯ. Следует учитывать, что внешние проявления эмоций, представляя собой произвольные и непроизвольные способы реагирования, также зависят от культурных особенностей народа. Например, характерной чертой английского воспитания является тенденция не показывать внешне свои эмоции. Этим фактом мы объясняем количественные различия ФЕ печали в русском и английском языках.

Следующие ФЕ основаны на образе «падение», «перемещение вниз», «давление» и «глубина». Они фиксируют внимание на степени душевной тяжести: пасть духом; подавленная душа – подавленное состояние; упадок духа; спуститься с небес на землю в РЯ и *be crestfallen* – быть расстроенным (букв. гребешок упал); *(be) in low spirits* – быть подавленным, растерянным; *hit rock bottom* – находиться в трудной ситуации, в состоянии депрессии (букв. сесть на дно) в АЯ.

Сужение мелких сосудов лёгких приводит к оттоку из них крови, в результате ухудшается поступление кислорода в организм и человек начинает ощущать недостаток воздуха, тяжесть в груди. Стараясь облегчить это состояние, он начинает делать продолжительные и глубокие вздохи.

Данное ощущение передают ФЕ глубоко вздыхать (печально); вздыхать, стонать, тосковать; тяжело вздыхать в РЯ и ФЕ bore the pants off smb. – утомить кого-то скукой (букв. надоедать до одышки) в АЯ.

Печаль замедляет не только физическую, но и умственную активность человека. Эмоция печали лежит в основе такого психологического расстройства, как депрессия. В английских ФЕ be in the blues – находиться в угнетении, меланхолии; be in the dumps – быть в унынии, в депрессии; be in the doldrums – быть в подавленном состоянии, в депрессии; in a brown study – в мрачном раздумье; do smb's head in – сводить кого-то с ума, расстраивать образы передают это неприятное физиологическое состояние. В РЯ подобные ФЕ не выявлены.

В состоянии грусти душа человека так сильно болит, что он утрачивает желание, уходит в себя, замыкается в себе. Погружение в свой внутренний мир и мысли передают ФЕ: уйти в себя - закрыться в душе; погрузиться в свои мысли, уйти в себя; быть погружённым в чёрные думы; опечалиться в РЯ и shut up like a clam – замкнуться, будучи расстроенным (букв. заткнуться как морской моллюск); let smb. stew in their own juice / leave smb. to stew – умышленно оставить кого-то без помощи и утешения (букв. оставить кого-то томиться в своём собственном соку) в АЯ. Таких ФЕ в РЯ больше, чем в АЯ. Это объясняется культурными особенностями русского народа, которому свойственно погружение в себя для осознания своего места на земле, своей роли и сущности [11, с. 131].

Состояние печали у обоих народов ассоциируется с чёрным цветом: мрачный; чёрный; душа почернела – приходить в уныние; чёрная весть – печальное известие; душа почернела – тоскливо на душе в РЯ и in sackcloth and ashes – в горе, отчаянии (букв. в мешковине и пепле) в АЯ.

В подгруппе печали содержатся ФЕ, имеющие в своей основе образ животных – внешний вид, поведение: be sick as a pig – быть сильно расстроенным (букв.); be sick as a dog – чувствовать себя расстроенным (быть больным как собака); shut up like a clam – замкнуться (букв. заткнуться как

морской моллюск); *whip the cat* – сожалеть о непоправимом (букв. побить кошку). В российских ФЕ данной подгруппы крайне редко используется образ животных.

В состоянии тоски человек теряет интерес к окружающему миру и пребывает в мучительном душевном состоянии. Российские ФЕ потерять интерес к жизни, весь мир опостылел, безразличие к жизни передают данное состояние через образ мира, а именно отрешение от него. В АЯ ФЕ невыявлены.

Таким образом, анализ ФЕ подгруппы грусти, печали, тоски, уныния в двух языках позволил выявить следующие семантические модели:

1) Внешне выраженная мимика человека, которая представляет собой опускание головы, носа, всего лица вниз (свесившееся лицо) в РЯ, *hang one's head* – вешать голову в АЯ).

2) Болезненное состояние души через образы «падения», «опускания вниз», «тяжести» (пасть духом в РЯ, *be crest fallen* – быть расстроенным (букв. гребешок упал) в АЯ).

3) Болевые ощущения, которые могут быть вызваны болезнью души и сердца (сердечная боль – глубокая печаль в РЯ, *one's heart aches (bleeds) for smb.* – чувствовать тревогу (букв. сердце болит) в АЯ).

4) Ощущение недостатка воздуха, стеснения и тяжести в груди, проявляющееся продолжительными и глубокими вздохами (тяжело вздыхать в РЯ, *bore the pants off smb.* – утомить кого-то скукой (букв. надоедать до одышки) в АЯ).

5) Ослабление умственной активности человека в состоянии печали, психическое расстройство, депрессия (*be in the dumps* – быть в унынии, в депрессии в АЯ).

6) Чёрный цвет (чёрный ад – мрачный в РЯ, *in sack cloth and ashes* – в отчаянии (букв. в мешковине и пепле) в АЯ).

7) Представление о жизни животных, сравниваемое со скукой (*shut up like a clam* – замкнуться (букв. заткнуться как морской моллюск) в АЯ).

8) Желание уйти в себя (закрыться в душе, закрыться в себе – уйти в себя в РЯ, *shut up like a clam* – замкнуться в АЯ).

9) Потеря интереса к окружающему миру (весь мир опостылел в РЯ).

По выделенным семантическим моделям можно судить о наличии или отсутствии тех или иных образных основ. Так модели 5 и 7 не представлены в РЯ, а модель 9 не представлена в АЯ. Таким образом, в подгруппе грусти образы ФЕ передают поведенческую реакцию человека, проявляющуюся в выражении лица, внутренние переживания, отражающие ощущения в сердце и душе человека, и различные внешние ощущения.

2.2. Фразеологическая репрезентация концепта «радость/ joy»

Переживание эмоциональных состояний радости и счастья сводится к общей семантики «приподнятого настроения». Радость вызывает у человека весёлое настроение, он испытывает состояние удовольствия, внутреннего удовлетворения. Счастье же вызывает сильный прилив радости, когда человек испытывает состояние наивысшего удовлетворения, внутренней гармонии с миром. Счастье тесно связано с радостью. Однако есть существенная разница между этими двумя состояниями. Счастье – это личное чувство. За другого человека можно порадоваться, но оказаться вместо него счастливым невозможно. Состояние счастья более «глубокое» чувство, связанное с гармонией в душе, а радость – это скорее «всплеск» положительных эмоций. Счастье переживается как нечто мгновенное, оно является неожиданностью для субъекта. Радость же может быть прогнозируема. Следовательно в случае со счастьем возможна потеря самоконтроля над эмоциями и поведением человека [25, с. 254].

Радость принято считать положительной эмоцией, переживаемой человеком внутренне. Приведем словарные статьи лексем РАДОСТЬ и JOY. Радость:

1. Веселье, услада, наслаждение, утеха;

2. Внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая

3. Само событие или предмет, возбуждавший эти душевные чувства [58]. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что, ядерной семой исследуемой лексемы является «душевное удовлетворение». Околоядерная сема - «наслаждение». Периферийные семы - «счастливое событие».

Следовательно, лексема «радость» имеет тенденцию к многозначности.

Для начала предлагаем охарактеризовать название концепта, его имя – радость (joy).

Словарь Merriam-Webster дает следующее определение понятия happiness:

a: the emotion evoked by well-being, success, or good fortune or by the prospect of possessing what one desires: delight;

b: the expression or exhibition of such emotion: gaiety;

a state of happiness or felicity: bliss;

a source or cause of delight.

Далее рассмотрим синонимы и антонимы слова joy.

a feeling or state of well-being and contentment the inexpressible joy that the couple are feeling upon the birth of their first child:

Synonyms: beatitude, blessedness, bliss, blissfulness, felicity, gladness, happiness, warm fuzzies.

Antonyms: calamity, ill-being, misery, sadness, unhappiness, wretchedness.

a source of great satisfaction my car is my pride and joy:

Synonym: delectation, feast, gas [slang], delight, kick, manna, pleasure, treat.

Схематически полевою организацию концепта joy можно представить на рисунке 1.

Рисунок 2. Схематическое изображение полевой структуры концепта радость (joy)

Опираясь на проведенное исследование, стоит отметить, что концептуальное поле эмоции радость в русском языковом сознании представлено 28 номинантами: счастье, триумф, эйфория, блаженство, нирвана, экстаз, фурор, восторг, восторженность, экзальтация, нега, благодать, торжество, восхищение, наслаждение, удовольствие, удовлетворение, упоение, веселье, отрада, возбуждение, услада, жизнерадостность, беззаботность, умиление, утешение, злорадство.

Joy:

1. Great happiness, a deep feeling or condition of happiness;
2. A person or thing that causes joy, a source of happiness;
3. An outward show of pleasure or delight, rejoicing [51].

Подгруппа радости и счастья в РЯ представлена 40 ФЕ, в АЯ – 43 ФЕ.

Внутренняя форма ФЕ данной подгруппы отражает внутреннее переживание человеком радости, счастья. Радостное состояние довольно большого количества ФЕ передаётся образами лёгкости движений, парения в воздухе: летать от счастья; не чують ног под собой от радости, ногами не касаться земли; подниматься к небу, парить, взлетать в РЯ и *be free as the air* – жить без забот и тревог (букв. быть свободным как воздух); *float on a cloud* – ликовать, радоваться (букв. плыть на облаке); *tread on air* – не чують ног под собой от радости; *walk on air* – не чують ног под собой от радости (букв. гулять по воздуху) в АЯ. Яркие метафоры в данных ФЕ обязаны своим возникновением сходству конкретных ощущений от движения и радостного настроения.

Состояние счастье и радости также передаётся ФЕ через образ неба необычайной высоты и чистоты, совершенство которого выражено числительными семь, реже девять: быть на седьмом небе от счастья, голова достаёт до неба; от земли до неба – быть очень довольным; быть на верху блаженства в РЯ и *be in seventh heaven* – быть на седьмом небе от счастья;

feel on the top of the world – быть на вершине счастья (букв. чувствовать себя на вершине мира); on cloud seven (or nine) – бесконечно счастлив, на седьмом небе; the dizzy height – головокружительная высота, большой успех в АЯ.

Человеку издавна свойственно уповать на чудо, судьбу, благоволение звёзд и т.д. Русский и английский народы не составляют исключения. Так следующие ФЕ определяют будущее счастье человека по представлениям о рождении человека: родиться под счастливой звездой; счастливая звезда в РЯ и be born under a lucky star – родиться под счастливой звездой; be born with a silver spoon in one's mouth – родиться под счастливой звездой (букв. родиться с серебряной ложкой во рту) в АЯ. Или же по везению, удаче: счастливая судьба); казённая птица - неожиданная удача; с радостью принять случай в РЯ и fall on one's feet – быть везучим (букв. упасть на ноги); fall into smb's lap – достаться кому-то, выпасть на долю (букв. упасть на чьи-либо колени) в АЯ.

Довольно часто в русском и английском языках встречаются ФЕ, в которых внутренняя форма совпадает полностью или частично. Этимология русской ФЕ мать родила его в рубашке иная, чем у английских ФЕ. Происхождение английской ФЕ be born with a silver spoon in one's mouth – букв. родиться с серебряной ложкой во рту связано с обычаем дарить ребёнку серебряную ложку при обряде крещения; при рождении ребёнка в богатой семье такой подарок считался обязательным уже при рождении. Итак, этимология данной ФЕ восходит к представлениям о том, что если родиться в богатой семье, то можно получить привилегированное воспитание и тем самым обеспечить себе счастливую жизнь [41, с. 181].

Образ счастливой звезды, напротив, является общим для русского и английского языков: счастливая звезда в РЯ и be born under a lucky star – родиться под счастливой звездой в АЯ.

Что касается образа судьбы, удачи, то следует отметить тот интересный факт, что счастье приходит к ногам человека или на голову человека. Образ ноги наблюдается в двух языках: счастье к ногам привалило

в РЯ и *fall into smb's lap* – достаться на долю (букв. упасть на ч-л. колени) в АЯ. В русских ФЕ счастье может приваливать и на голову: на голову села казённая птичка - выпасть на ч-л. долю. В русском и английском языках присутствует один и тот же образ птицы счастья: на голову села казённая птичка) в РЯ и *blue bird (of happiness)* – то, что воплощает для кого-то идеал счастья (букв. синяя птица) в АЯ.

Образ солнца и дня так же является метафорическим основанием для следующих ФЕ. Солнце и день в обоих языках ассоциируются с теплом, жизнью и радостью на земле: улыбнуться от счастья - восходит солнце; проводить счастливые дни; жить припеваючи в РЯ и *a ray of sunshine* – луч света, что-то радостное; *be sunny side up* – быть весёлым (букв. быть на солнечной стороне); *find one's place in the sun* – хорошо устроиться в жизни, найти своё место под солнцем; *make smb's day* – делать кого-то счастливым (букв. делать чей-то день); *red-letter day* – красный день календаря, праздничный день в АЯ.

ФЕ данной подгруппы также связаны с формами проявления поведенческой реакции человека, которые получили отражение в выражении лица. Данные ФЕ строятся на образе, в основе которого лежит непроизвольная реакция человека при радости, выражающаяся в широкой улыбке, сиянии, в движениях ресниц и т.п.

Итак, о счастье можно судить по блеску в глазах: глаза смеются – светиться радостью – о глазах; глаза и душа открываются – повеселеть в РЯ и *be bright-eyed and bushy tailed* – быть полным энергии и сил (букв. быть с яркими глазами и пушистым хвостом) в АЯ. ФЕ с компонентом «глаза» значительно больше представлены в РЯ, чем в АЯ.

ФЕ с компонентами «рот», «улыбка», «смех»: быть вне себя от радости, рот до ушей; расхохотаться в РЯ и *flash a smile* – бросить улыбку; *from ear to ear* – во весь рот, широко улыбаться; *laugh like a drain* – громко смеяться (букв. смеяться как водосточная труба) в АЯ.

Как в РЯ, так и в АЯ были выявлены ФЕ, основа которых связана с образом розы, розового, красного и белого цветов: жить как роза – проводить счастливые дни; видеть всё, мир в розовом свете (цвете); райский уголок (розовый) в РЯ и a bed of roses – безмятежная, счастливая жизнь (букв. постель из роз); see (look) through rose-coloured glasses – смотреть сквозь розовые очки; red-letter day – красный день календаря, праздничный, счастливый день; the white hen's chock – счастливчик (букв. цыплёнок белой курицы) в АЯ.

В образной основе следующих ФЕ данной подгруппы душа и сердце являются базовыми метафорами: добавить к душе душу – радовать; сделать душе приятно – порадовать, доставлять удовольствие; гладить душу – радовать; ликовать (радоваться) в душе. ФЕ с образом души были выявлены только в РЯ. Примеры же с образом сердца были найдены в обоих языках: отлегло от сердца (сердце похолодело) – повеселеть, успокоиться, в РЯ и (be) in (of) good heart (уст.) – быть в хорошем настроении (букв. быть в хорошем сердце); warm the cockles of one's heart – радовать, согреть сердце (букв. согреть моллюски сердца) в АЯ.

Интересным представляется тот факт, что одно и то же состояние радости в РЯ передаёт концепт «холодный», а в АЯ – «тёплый». Это объясняется предысторией возникновения радостного ощущения. Если в первом случае человек обретает состояние радости после определённого негативного напряжения, т.е. речь идёт о смене эмоционального состояния, то в последнем присутствует только положительный момент.

Небольшая часть ФЕ в РЯ отображает поведенческую реакцию человека, выраженную в том, что человек не способен усидеть на месте, ему хочется прыгать от радости, а сердце готово выскочить из тела: душа в теле не уместается – не находить себе места; от радости сердце готово выскочить; всё внутри запрыгало от счастья. В АЯ подобные примеры не выявлены.

Вкусовые ощущения и образ еды являются метафорическим основанием следующих ФЕ: кормить душу - жить в своё удовольствие; я

всем доволен, мне ничего не надо в РЯ и a time of milk and honey – счастливое время (букв. время молока и мёда); be meat and drink to smb. – доставлять огромное удовольствие, быть необходимым как воздух (быть мясом и питьём для кого-то); be full of beans – быть счастливым (букв. быть полным гороха) в АЯ. Россияне и англичане любят поесть и испытывают от этого положительные эмоции, поэтому еда формирует значение «счастья».

Для многих людей счастье ассоциируется с обретением богатства и обладанием роскошной жизни: быть в не себя от радости - найти богатство; на голову упал мешок золота в РЯ и feel like a million dollars – прекрасно себя чувствовать (букв. чувствовать себя на миллион долларов); push the boat out – тратить много денег, чтобы устроить веселье (букв. выпускать лодку); live like a king – жить как король, в роскоши в АЯ.

Таким образом, анализ подгруппы радости и счастья в двух языках позволил выявить следующие семантические модели:

1) Ощущение лёгкости при движении (не чуют ног под собой от радости в РЯ, walk on air – не чуют ног под собой от радости в АЯ).

2) Пребывание на небесах (быть на седьмом небе от счастья в РЯ, be in seventh heaven – быть на седьмом небе от счастья в АЯ).

3) Предопределённость счастья через образ судьбы, астрологические, религиозные, денежные представления, удачи в игре (родиться под счастливой звездой в РЯ, be born under a lucky star – родиться под счастливой звездой в АЯ).

4) Солнце, солнечный день (восходит солнце, улыбнуться – о счастье в РЯ, ray of sunshine – луч света, что-то радостное в АЯ).

5) Сияние в глазах, улыбка (глаза светятся радостью; глаза внутри смеются) в ТЯ, be bright-eyed and bushy tailed – быть полным энергии и сил (букв. быть с яркими глазами и пушистым хвостом) в АЯ).

6) Белый, розовый, красный цвета (видеть всё, мир в розовом свете (цвете) в РЯ, see (look) through rose-coloured glasses – смотреть сквозь розовые очки в АЯ).

7) Приятные вкусовые ощущения и вкусная еда (*pirzola uetek* – смеяться, прикусывая в РЯ, *be full of beans* – быть счастливым (букв. быть полным гороха) в АЯ).

8) Богатство, роскошь (быть вне себя от радости (букв. как будто нашёл богатство) в РЯ, *live like a king* – жить как король, в роскоши в АЯ).

9) Приятные ощущения в сердце, душе (ликовать (радоваться) в душе в ТЯ, *(be) in (of) good heart* (уст.) – быть в хорошем настроении (букв. быть в хорошем сердце) в АЯ).

10) Неспособность усидеть на месте (не находить себе места; душа в теле не уместается в РЯ).

В целом, в обоих языках прослеживается сходство семантических моделей. Существуют и сходства в некоторых чертах внутренней формы ФЕ. 11 модель не представлена в АЯ. Внутренние переживания, которые воспринимаются как лёгкость движений, пребывание на небесах становятся базой образов, мотивирующих значение ФЕ данной подгруппы.

2.3. Сопоставление результатов в английском и русском языках

В основе внутренней формы большинства фразеологических единиц, выражающих эмоции радости и грусти в русском и английском языках, лежит базовая когнитивная метафора "верх/низ", в данном случае реализующая антонимические отношения между концептами "радость и грусть". "Низ" традиционно ассоциируется с состоянием эмоционального упадка и печали, что находит выражение в целом ряде лексических единиц, например: *down in the dumps/mouth* – в унынии; *be at rock bottom* – букв. быть у подножия скалы, т.е. впасть в уныние; *down in the doldrums* – в дурном настроении, в депрессии; *in low spirits* – в унынии [59]. В русском языке можно привести следующие примеры, иллюстрирующие данную когнитивную метафору: опускать/опустить голову; с поникшей головой; вешать/повесить нос; вешать/повесить голову; падать/упасть духом [57] и т.д.

Подобный параллелизм метафорической вербализации грусти в исследуемых языках физически мотивирован, т.е. связан с физическими проявлениями эмоций. В свою очередь состояние радости в обоих языках ассоциируется с чем-то высоким, находящимся вне земли. Так, в частности, фразеологизмы в английском языке *to be/sit on a cloud* – букв. находиться/сидеть на облаке, т.е. быть очень счастливым; *be/jump over the moon* – букв. быть/ прыгать выше луны, быть очень счастливым; *be sent sky high* – взлетать до небес; *feel on top of the world* – букв. чувствовать себя на вершине мира, вне себя от счастья [59]. В русском языке следует отметить следующие ФЕ с похожим компонентом: вознестись до небес, быть на седьмом небе от счастья, на верху блаженства [57]. В этой связи можно отметить не только тождественность счастья концепту "верх", но и целый ряд лексем в составе русских и английских ФЕ, объединенных нами в тематическую группу "небесное пространство": солнце, луна, небо, высота, высь, облака, небеса, верх – рус.; *the sky, the sun, stars, the moon, heaven* – англ. Концепт "небо" является архетипическим элементом, ведь древние философы в своих учениях рассматривали небесную сферу как первоэлемент бытия. Исследователи традиционно связывают происхождение идиомы на седьмом небе/*in seventh heaven* с древними астрономическими теориями, согласно которым небосвод подразделялся на семь сфер, и именно седьмое небо – самая отдаленная от земли сфера – считалось местом обитания божественных существ, то есть, местом полного блаженства. Помимо неба под номером семь, в английском языке есть идиома *to be on cloud nine* (досл. быть на девятом облаке). По данным этимологических словарей [60], происхождения этой идиомы связано с Международным Атласом Облаков, вышедшем на английском языке в 1895 году и подробно описывающем типы облаков. Облака под номером 9 описывались как самые большие, мягкие и пушистые, что и послужило возникновению ассоциативной связи с облаком под номером 9 с максимальным уровнем счастья.

Еще одной образно-символической доминантой, участвующей в реализации концептуальной оппозиции "радость/грусть" в русском и английском языках, является "сердце/heart". Общим релевантным признаком становится связь эмоций радости и грусти в сознании носителей языка с описанием физиологических свойств сердца – сердце бьётся, стучит, колотится, работает, вздрагивает и т.д. Так, в русском языке целый ряд фразеологизмов с компонентом "сердце" основываются на описании физиологии самого важного органа в нашем организме: сердце болит, т.е. кто-либо переживает; или сердце кровью обливается, т.е. кто-либо испытывает чувство глубокого сострадания, кому-либо очень грустно; сердце тоскует, сердце томится – кто-либо испытывает чувство печали, грусти [57]. В английском языке: lose heart – букв. потерять сердце, что означает приуныть, впасть в уныние; eat one's heart out – букв. есть сердце, т.е. изводить себя, изнывать от тоски; wring one's heart – букв. сжать, сдавить чьё-л. сердце [59]. Компонент "сердце" также входит в состав ФЕ, выражающих радость в обоих языках. Например, do one's heart good – радовать сердце; lift up one's heart – поднять настроение; gladden one's heart - доставлять радость кому-л, радовать кого-либо? и т.д. [59] В русском языке: сердце радуется/взыграло, сердце поёт/играет, что означает, что кто-либо испытывает большую радость [59].

Еще одной общей особенностью концептуализации оппозиции "радость/ грусть" и обеих лингвокультурах является ассоциативная связь с погодными условиями. Так, например, в русском и английском языках пасмурное настроение, темнее ночи (тучи), as black as night/thunder/a thunder cloud - букв. черный как туча, т.е. мрачнее тучи [59]. Состояние радости также связано с погодными условиями, но противоположного характера, т.е. с ясным, погожим днем. Например, unclouded happiness и его полный эквивалент в русском языке безоблачное счастье, что означает состояние безграничного счастья.

Интересно отметить еще один образ, лежащий в основе внутренней формы ФЕ – это ассоциация золота со счастьем. Отчасти это языковое явление можно объяснить определенными качествами золота (неподверженность ржавчине, огнеупорность, противодействие кислоте, ковкость, пластичность и т.д.), что еще с древнейших времен сделало его символом вещи, которая лучше и прочнее всех остальных, своеобразным эквивалентом обеспеченной жизни без насущных проблем. Это символическое значение можно проследить в целом ряде фразеологизмов русского и английского языков. Так, например, в русском фразеологизм золотой век (золотое время, золотая пора, золотые дни), в английском языке эквивалентом служит идиома *golden age* [59], что означает время наивысшего расцвета культуры и истории.

Далее остановимся на национально-специфических чертах реализации концептуальной оппозиции "радость/грусть" в русской и английской лингвокультурах. Что касается русской ментальности, то существует два оценочных стереотипа. Во-первых, "русские почти не умеют радоваться". Об этом говорил Н.А. Бердяев в эссе "О власти пространств над русской душой" [5]. А. Вежбицкая [7], А.Д. Шмелев [43] подтверждают это мнение, акцентируя внимание на таких концептах, как тоска, печаль, разлука, страх, гнев, жалость, не исследуя способы выражения радости в русской культуре. Второй стереотип заключается в том, что русское языковое сознание антонимично. В подтверждение этой мысли, приведем слова исследователя А.Б. Пеньковского, который утверждает, что радость – это чувство, оно относится к высокому, духовному миру, а удовольствие – всего лишь положительная чувственно-физиологическая реакция, следовательно, относится к низкому [32, с. 24]. Принимая во внимание выше сказанное, мы отметили, что в русской лингвокультуре целый ряд ФЕ, выражающих радость, содержат компонент "дух, душа или Бог", т.е. нечто возвышенное, например: воспрянуть духом, отлегло на душе, или как у Бога (Христа) за пазухой жить, что означает быть счастливым, жить радостно, жить без забот;

радоваться\обрадоваться как Христову дню – сильно обрадоваться [57]. Но не только "радость" выражается через ассоциации с "духовным" компонентом, так, ФЕ, выражающие грусть, также содержат компонент "душа": камень на душе лежит, душа ноет, сосать за душу, душа тоскует [57]; или ФЕ с отрицательной коннотацией – всю душу выплакать, света божьего невзвидеть [57]. Понимание души трактуется как средоточие психической и эмоциональной жизни человека, тесно связанной с Богом. Более того, душа понимается как внутренний храм, утрата которого ведет к утрате связи человека с Богом, к его моральной гибели и абсолютному несчастью. Душа противопоставлена материальному наслаждению и концептуально выступает в оппозиции к удовольствию, которое несовместимо с чистотой души. Компонент "душа" в русской языковой картине мира играет очень важную роль, что связано с христианским представлением о мире; душа становится воплощением человеческой сущности и образно-символической доминантой вербализации эмоционального состояния человека.

Следующим важным приемом, при помощи которого выражается печаль в русской лингвокультуре, является персонификация. Состояние печали представляется в образе живого существа, который имеет власть над субъектом. Например, фразеологизмы: тоска взяла, нужда одолела, тоска поедом ест, тоска грызёт/нападает/заедает, тоска сосёт сердце [57], т.е. печаль превращается в образ дикого зверя, который "поедает" человека морально. Приведем еще несколько примеров: грусть подкрадывается/подкралась, тоска берёт/находит/наваливается, уныние охватывает, хандра находит/нападает [57] – здесь образ грусти ассоциируется с движением, в английском языке отсутствует данное средство создания образности.

В отличие от фразеологизмов русского языка, в английском языке имеется достаточно большое количество фразеологизмов, в которых стерта разница между радостью и удовольствием. Эти два состояния синонимичны и одно предполагает другое. Радость или счастье в английской культуре

материально и конкретно, оно соотносится с определенными событиями и лицами, в то время как в русской культуре радость соотносится с чем-то высоким. Например, во многих примерах в основе внутренней формы ФЕ в английском языке лежит образ материального благополучия. Например, две синонимичные идиомы *feel like a million dollars* или *look like a million bucks* [59] – букв. чувствовать себя на миллион, косвенно указывают на то, что счастье в деньгах. Данные фразеологизмы образовались в то время, когда один миллион долларов, считался окончательным абсолютом, вершиной вершин. Удовольствие, как и радость, в английском языке также непосредственно ассоциируются с пищей или напитками. Например, идиома *be full of beans* – букв. быть полным бобов, которая означает "быть счастливым" [59]. Считается, что выражение сохранилось с тех времен, когда лошадей кормили бобами, после чего сытые лошади вели себя оживленно и активно [60]. Выражение прижилось, и теперь, говоря об энергичном, живом человеке, используется эта идиома. Или, например, ФЕ *beer and skittles* – букв. пиво и кегли, обозначает настоящее удовольствие, отдых и происходит от полной версии этого выражения: *life isn't all beer and skittles*. Впервые данная идиома была использована Чарльзом Диккенсом для описания праздного образа жизни в романе "Посмертные записки Пиквикского клуба" [60].

Еще одна национально-специфическая черта концептуализации "счастья" в английском языке это ассоциация с образом какого-то реального человека, например: *as happy as a king* – досл. счастлив как король [59].

Одним из наиболее популярных средств создания образности фразеологизмов является сравнение, причем отличительной чертой двух культур является наличие анималистического компонента. В ФЕ, выражающих радость в английском языке, наблюдается сравнение состояний радости и грусти с образом жизни животных. Так, например, *(as) happy as a lark* - букв. счастлив как жаворонок, т.е. очень счастлив; *(as) happy as a clam* - букв. счастлив как моллюск, означает быть очень счастливым; *be merry as a*

cricket - букв. быть веселым как сверчок; (as) happy as a possum up a gum tree - букв. счастлив как опоссум на эвкалиптовом дереве; to look like the cat that got the cream - букв. выглядеть как кот, что съел сметану, т.е. выглядеть довольным и счастливым [59]. ФЕ с компонентом-зоонимом, выражающие концептуальную оппозицию "радость/грусть", есть и в русском языке, но их значительно меньше. Например, выражение житье, что беловежскому зубру говорит о жизни, переполненной наслаждениями; наслаждения жизнью реализуется идиомой все как коту масленица, фразеологизм радостна как вешний жаворонок употребляется для описания веселой, счастливой девушки [57].

Еще одной интересной особенностью вербализации концептуальной оппозиции "радость/грусть" средствами фразеологии является образ стихии, лежащей в основе внутренней формы русских и английских фразеологизмов. Так, в русском языке такой образно-символической доминантой становится вода как воплощение печали, а в английской культуре воздух как средство вербализации радости. Для русского человека грусть и печаль ассоциируются с различными водными элементами, явно имеющими негативное воздействие на человеческую жизнь, о чем свидетельствуют следующие ФЕ: горе хлынуло потоком (рекой, волной), пить/испить (полную) чашу горя (горечи) до дна, плакать в три, хлебнуть лиха [57]. При этом человек, испытывая горе, испивает или оказывается в пучине воды, которая как бы обволакивает его со всех сторон, не давая возможности и надежды на лучшее. В английской культуре воздух ассоциируется с состоянием невероятного счастья. Например, tread/walk on/upon air – букв. наступать на воздух, или ликовать, радоваться; festivity is in the air – букв. веселье в воздухе, повсюду чувствуется веселье/праздничное настроение; to throw up one's cap/to throw one's cap in the air – букв. бросать шапки в воздух, что означает радоваться достижениям [59]. Воздух в английской культуре не является стихией разрушения, т.к. мы не нашли семантической общности слов воздух-буря. Положительная коннотация свидетельствует о том, что воздух, обволакивая

землю, концептуализируется как ценность, так как дает возможность всем живым существам дышать и продолжать жить, что находит свое отражение в английских идиомах, выражающих радость.

Наконец, последний аспект вербализации концептуальной оппозиции "радость/грусть", который хотелось бы отметить, это цветовые характеристики. Для русской культуры характерен фразеологизм тоска зеленая [57], в котором прослеживается связь тоски и зеленой тины болота, символом затхлости, в котором отсутствуют какие-либо изменения. В результате, болото стало символом грусти, тоски и печали. Во фразеологизмах чёрная меланхолия, чёрная тоска, чёрная хандра [57] символом грусти становится черный цвет. Наиболее значимыми являются противопоставления белого и черного, которые соотносятся с оппозициями жизнь/смерть, хороший/плохой. Анализируя ФЕ английского языка, явным признаком отличия от русской культуры становится спектр цветов, являющихся символами печали. Так, на примере фразеологизмов blue funk - букв. синий испуг означает депрессию и blue devils - букв. синие демоны, т.е. уныние, печаль [59]. Как видно из примеров, синий цвет ассоциируется с грустью. Некоторые этимологические словари идиом относят происхождение значения blue грустный к выражению blue devil, которое появилось в XVII в. как обозначение злобного демона baleful demon [60]. Возможно, blue пользовалось для описания удрученного состояния человека, терзаемого таким демоном. Исходя из другой версии, появление этого значения объясняется метонимическим переносом: мертвенный цвет кожи (бледность), вызванная беспокойством - само состояние беспокойства, тоски. Для выражения радости в английском языке также могут использоваться цветовые характеристики. Например, look through rose tinted spectacles/rose-coloured glasses – смотреть на что-то сквозь розовые очки, paint the town red - букв. красить город в красный цвет, обозначающая состояние буйного веселья или радости [59]. Существует несколько версий относительно происхождения этой фразеологической единицы. Одной из наиболее

известных является история 1837 года. Говорят, что в этом году маркиз Вотерфорд (Waterford) и группа его друзей начали бунт в городе Лестершир, где раскрасили несколько зданий в красный цвет [60]. Еще один английский фразеологизм, в основе которого лежит цветовой компонент: to mark with a white stone буквально обозначает день, который был отмечен белым камнем, т.е. как особо счастливый. Еще с давних времен римляне использовали белый камень или кусок мела, чтобы отмечать свои счастливые дни в календаре, в то время как несчастливые помечались черным углем. Видимо, эта традиция была заимствована англичанами и отразилась в описании состояния счастья.

Таким образом, мы кратко охарактеризовали образно-символические доминанты, лежащие в основе внутренней формы фразеологических единиц, реализующих концептуальную оппозицию "радость/грусть" в русском и английском языках. В целом, следует отметить, что во многом концептуализация исследуемых эмоций средствами английской и русской фразеологии совпадает (когнитивная метафора "верх/низ", компоненты "небесное пространство", "сердце", "золото"), но также можно проследить и национально-специфические компоненты (ассоциации со стихиями вода/воздух, цветовые характеристики).

Выводы ко второй главе

1. В результате проведённого нами исследования ФЕ, репрезентирующих концепт «радость/joy», мы отметили важный аспект концептуализации эмоции - отношение к идее света. В сознании современного человека есть представление о свете как о положительном начале, а о тьме как об отрицательном. Это пришло к нам из древности, когда тьма таила для первобытного человека много опасностей. Отсюда и появились ассоциации светлого с положительными чувствами (stars in one's eyes, глаза светятся радостью; радость осветила лицо), а тёмного – с

отрицательными (мрачные чувства, почернел от злости). Присутствует «локативная» семантическая группа - глаза. Также мы отметили, что в обеих лингвокультурах эмоции счастья окрыляют человека, т.к. во многих фразеологизмах были найдены лексемы семантического поля НЕБО, а именно: небо, крылья, летать, воздух.

2. В фразеологизмах эмоция грусти метафоризируется, а также выражается напрямую некоторыми лексемами, представленными в словаре (Feeling blue): Reduced to tears – заставить человека кричать от обиды, разочарования и умаления; "Feeling blue/to have the blues" – чувствовать грусть.

3. В данной выпускной квалификационной работе предпринято психолингвистическое и лингвокультурологическое исследование репрезентации базовых человеческих эмоций «радость», «грусть» в русской и английской языковых картинах мира на материале различных лексикографических источников русского и английского языков. Данные нашего языкового исследования показывают, что носители разных лингвокультур репрезентируют эмоции по-своему. Проведённая работа позволяет утверждать, что в английской языковой картине мира имеется количественное превосходство концептов эмоций. У английской и русской языковой картины мира различается градуальность оттенков, качество и интенсивность вербализованных эмоций. В русском языковом сознании превалирует ярко выраженная оценочность и интенсивность. Английское языковое сознание обладает тенденцией к большей детализации и, следовательно, номинации различных оттенков эмоций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, выполнение поставленных исследовательских задач позволило получить следующие основные результаты исследования:

Лексическое значение в когнитивистике связано с концептом как с итогом знаний и рассматривается как род информации, хранящейся в человеческой памяти. При этом постулируется принадлежность концепта и лексического значения единому уровню абстрагирующих обобщающих единиц сознания, что предполагает известный изоморфизм их структур. Когнитивный подход направлен на выявление всех типов знаний, которые находят отражение в сложной структуре концептов, и как следствие, лексических значений. Следовательно, когнитивная интерпретация слов дает возможность выделять в лексическом значении различные качественно новые компоненты.

ФЕ, выражающие эмоциональное состояние человека, имеют большую значимость во фразеологии русского и английского языков. Обращение к внутренней форме ФЕ позволяет выявить существенные межъязыковые различия, фиксирующие несовпадения в интерпретации явлений, фактов действительности разными языковыми сообществами. В ходе теоретической части мы выяснили, что одним из неотъемлемых свойств ФЕ является наличие ярко выраженной образной составляющей, которая является элементом плана содержания. Она обогащает представления о внутренней структуре ФЕ.

Выделение и описание семантических моделей ФЕ, выражающих эмоции и чувства в русском и английском языках позволило установить общие черты, проявляющиеся в полном или частичном совпадении образа, во внутренней форме ФЕ, в наличии общих культурных знаний. Самыми представительными во фразеологическом фонде обоих языков являются ФЕ со значением «радость». Однако представительность этой эмоции в русском

и английском языках разная: самая многочисленная в РЯ –подгруппа «радость», а в АЯ – «грусть».

Проведённый анализ показал, что внутренняя форма большинства ФЕ связана с физиологическими и осязательными ощущениями, характерными для человека в том или ином состоянии. Отражение этих ощущений в целом является схожим для обоих языков, так как они представляют реакцию человеческого организма на внешние раздражители и носят общечеловеческий характер. Наибольший вес физиологических и осязательных ощущений представлен во ФЕ, выражающих грусть, тоску. В них отражаются физиологические и осязательные ощущения, проявляющиеся в виде покраснения, побледнения, дрожи, заикания и т.д., либо ощущаемые внутренне (внутренний холод в состоянии печали, внутренний жар в состоянии радости.).

ФЕ, внутренняя форма которых строится на мимике человека, включает такие компоненты, как глаза, нос, рот, лицо, брови и др. Сходство мимики и жестов у носителей двух неродственных языков обуславливает сходство ФЕ в РЯ и АЯ. Например, в состоянии грусти человек опускает голову, в состоянии радости человек широко раскрывает рот, глаза.

Другие ФЕ в своей образной основе передают различную поведенческую реакцию человека в том или ином состоянии. Анализ подтвердил как сходства, так и некоторые расхождения эмоционального поведения у носителей русского и английского языков. Некоторые ФЕ не имеют соответствий в другом языке. Например, английская ФЕ *drown one's sorrow* – утопить своё горе в вине; пить с горя, чтобы забыться.

Образность довольно большого круга ФЕ в АЯ представляет описание повадок и поведения животных. Несмотря на то, что поведение животных в целом носит универсальный характер, зооморфные образы в большей степени представлены в АЯ и незначительно – в ФЕ РЯ.

Основным элементом большинства ФЕ является сердце и душа человека. Реакция сердца (души) на различные психологические состояния

человека находит своё отражение в схожей образности ФЕ русского и английского языков. ФЕ с более сложным и конкретным образом, как правило, уникальны в каждом языке.

Основываясь на результатах работы, можно сделать вывод, что эмоция «радость» воспринимается представителями обеих культур как положительная, а эмоции «грусть», - как отрицательная, то есть имеют общую когнитивную базу. В русской фразеологии эмоции, в первую очередь, ассоциируются с определенными внешними проявлениями (напыщенный вид, задирать нос, залиться краской), в то время как в английской фразеологии эмоции описываются, в основном, в виде внутренних переживаний через различные оттенки этой эмоции.

Итак, большинство из ФЕ, выражающих эмоции и чувства радости и грусти человека в русском и английском языках, являются образными и метафорическими по своей внутренней форме, благодаря чему обладают ярко выраженной экспрессивностью в обоих языках. Сопоставительное исследование образности ФЕ выявило как сходства, так и различия в характере образной составляющей, в семантике ФЕ. Данные, полученные в ходе исследования, помогут лучше понять механизмы, управляющие менталитетом русского и английского народов, а также способы лингвистического выражения эмоций и чувств.

В числе перспективных задач видится исследование фразеологических эквивалентов ФЕ русского и английского языков, а также способов перевода безэквивалентных ФЕ с одного языка на другой.

Изученные нами концепты представляют огромный интерес в лингвистическом, философском и общечеловеческом планах, а также занимают значительное место как в научной, так и в языковой картине мира британского и российского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Печатные издания

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. - С. 28-44.
2. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. - Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. - 184 с.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2006. - 103 с.
4. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : автореф. дис. д-ра филол. наук / А. П. Бабушкин. Воронеж, 2008. - 41 с.
5. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: ЭКСМО-Пресс. 2000. 734 с.
6. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения / Н.Н.Болдырев // Филология и культура. Тамбов, 2009. - С. 62-69.
7. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1997. -416 с.
8. Виноградов В.В. Фразеология. Семасиология //Лексикология и лексикография. Избранные труды. - М.: Наука, 1977.- 118-161 с.
9. Воробьев, В.В. Русский язык в диалоге культур: учебное пособие / В.В.Воробьев, Л.Г. Саяхова. - М.: Ладомир, 2006. - 286 с.
10. Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - 786 с.
11. Георгиева Т.С. Русская культура: история и современность: учеб. пособие для студ. вузов, М.: Юрайт, 2008. - 291 с.
12. Георгиева С. Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2012. - С. 108-115.

13. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. - 2007. - №6. - С. 37-48.
14. Зализняк, А.А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / А.А.Зализняк - Режим доступа: <http://www.crugosvet.ru>.
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2014. - 390 с.
16. Караулов Ю.Н Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 2007. - 261 с.
17. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2014. - 398 с.
18. Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов // Русистика и современность. - Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. - СПб., 2015. - С. 12-16.
19. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973. - 141 с.
20. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в английской и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский: Волгоград : Перемена, 2011. - 495 с.
21. Крылов Ю.В. Эмотивный концепт "злость" в русской языковой картине мира: идентификация и разграничение ментальных и языковых структур: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2007. 186 с.
22. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2014. - № 1. - С. 6-17.
23. Кубрякова, Е.С. Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. - 2013.- №4. - 45 с.
24. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М.: Междун. отношения, 1972. 288 с.

25. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. - М., Academia, 1993. - С. 280 - 287.
26. Лук А.Н. Мышление и творчество. - М: Политиздат, 1976. - 144 с.
27. Лук А.Н. Эмоции и чувства / А.Н. Лук. - М.: Знание, 1982. 176 с.
28. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. - М. : Прогресс, 2010. - С. 358-386.
29. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты в русской и английской лингвокультурах. Армавир: Изд-во АГПУ, 2009. - 257 с.
30. Мальцева Л.В. Эмотивно-событийный концепт "горе, беда, несчастье" в русской языковой картине мира: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2009. 227 с.
31. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст]: учеб, пособие / В.А.Маслова. - М.: Издательский центр «Академия», 2014. -208 с.
32. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е.Ю. Мягкова. - Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. - 112 с.
33. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007 (1-е изд. 1997). - 817 с.
34. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Литагент "Знак", 2017. 464 с.
35. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 208 с.
36. Рубинштейн С.Л. Основы психологии / С.Л. Рубинштейн. - М.: Педагогика,1989. Т. 1. 186 с.
37. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, М: Локид-Пресс, 2014. - 881 с.
38. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи, Воронеж, Изд- во Воронеж, 1985. - 170 с.

39. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996.
40. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
41. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: учеб, пособие / С.Г. Тер-Минасова. - М.: Слово/Slovo, 2000. -264 с.
42. Феофанов К.А. Современное мировое сообщение и взаимодействие цивилизации // Социально - гуманитарные знания, 2005. т. №6 - С.3-15
43. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М.Шанский. - 3-е изд., испр. и доп. - М., 1985. - 160 с.
44. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: Сб. науч.тр./ ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2008. С. 5 - 15.
45. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
46. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. - М.: Гнозис, 1994.-344 с.
47. Kipling, R. The Light That Failed [Text] / R. Kipling. - Progress Publishers, 1975.
48. Langacker, R.W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin- N.Y.: Mouton de Ghiyter, 1991. 387 p.
49. Lakaff, G. Metaphors we live by [Text] / G. Lakaff, M. Johnson. - Chicago, London, 1980. -242 p.
50. Pattison S. Shame: Theory, Therapy, Theology. Cambridge University Press, 2000. 354 p.
51. Steinbeck, J. The Grapes of Wrath [Text] / J. Steinbeck. - UK : Penguin Books, 1976.
52. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray [Text] / O. Wilde - Moscow: Foreign Languages Publishing House. 1958.

Словари и справочные издания

53. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Group Ltd., 2014.
54. Большой англо-русский словарь 2 т., М.: Русский язык; Издание 3-е, стер. 1688 стр.; 1979 г.
55. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т / В. Даль. М.: Рус. яз., 2000. - 699 с.
56. Девлин Д. Словарь синонимов и антонимов английского языка. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 559 с.
57. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2-е изд. стереотип. - М.: Рус. яз., 2001. - 1088 с.
58. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. - 5-е изд., исправ. - М.: Русский язык, 1998. - 287 с.
59. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 20.11.2017).
60. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. Электронный ресурс // <http://www.slovardalja.net> (Дата обращения: 26.11.2019).
61. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.11.2019).
62. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 26.11.2019).

Отзыв

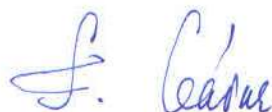
о ВКР студентки группы ЛПП-1501 Арчая И.Г. на тему «Концепты «радость» и «грусть» в англоязычной и русскоязычной фразеологии»

Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика. Перевод и переводоведение

Выпускная квалификационная работа И.Г. Арчая посвящена сравнительному исследованию фразеологических средств, выражающих семантику эмоциональных концептов в двух языках с целью выявления особенностей их репрезентации. Об актуальности исследования также свидетельствует избранный подход к изучению лексики. Работа выполнена в парадигматическом плане; лингвистический материал отбирался из словарей. Объем материала достаточный для сравнения и достоверных выводов. Используемые методы демонстрируют достаточный уровень сформированности компетенций ОК-1, ПК-12, которые позволили обосновать цель и задачи исследования, использовать теоретические и эмпирические методы исследования. Теоретическая база востребована в практической части ВКР. Удачно выполнена глава 2.3. (с.51-59), в которой описываются национально-специфические характеристики изучаемых фразеологических единиц. На с. 40 приведена схема полевой структуры концепта «грусть». Однако в работе не оказалось второй схемы, заявленной во введении (с.6). В качестве замечания можно отметить значительное количество ссылок на страницах (сс. 10, 14, 29, 32, др.), стилистические и пунктуационные ошибки.

В целом, ВКР И.Г. Арчая соответствует требованиям, предъявляемым к научным исследованиям данного типа, и может быть допущена к защите.

Научный руководитель, профессор

Г.Н. Бабич

26.02.2020